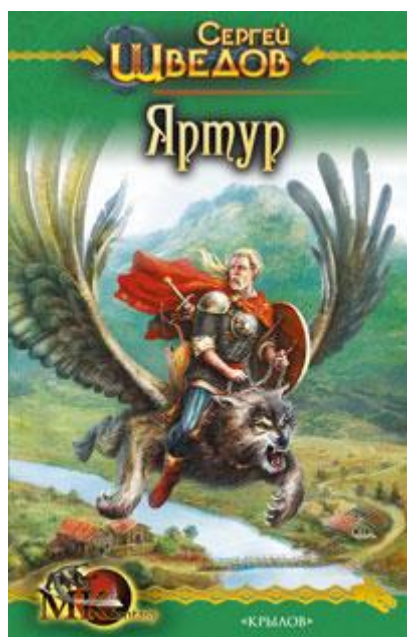

Сергей Шведов

Яртур

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176736
Яртур: Крылов; Москва; 2008
ISBN 978-5-9717-0749-3

Аннотация

Если бы вожди племен знали, чем обернется для них победа над повелителем Себерии Коломаном, то наверняка оставили бы его в покое. Но никому и в голову не пришло, что злобный колдун заключит союз с хозяином Навьего мира Виём. И что заложниками этого страшного союза станут не только враги Коломана, но и его близкие родственники.

Волхвы и князья ищут человека, способного бросить вызов если не самому богу смерти, то хотя бы обезумевшему колдуну. И такой человек находится. Княжич Яртур, внук бывшего повелителя Себерии, проникает в Железный замок, где плетет зловещую паутину его дед...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Шведов

Яртур

Часть 1

Слепой Бер

Глава 1

Князь Авсень

Авсень ждал важных вестей из Асгарда, но гонец почему-то задерживался, что не могло не тревожить князя Сколотии. А тут еще какой-то леший принес среднего сына Хорса, который вбежал в покои отца рано поутру с громким криком и отчаянной руганью. Авсень, сидевший за столом в окружении ближних бояр, поморщился и отставил в сторону чашу, наполненную пенистым напитком. Надо отдать должное ключнице, квас ныне ей удался на славу. Это признали и бояре, и привередливая Лада, младшая жена верховного вождя сколотов, которая стояла тут же у стола, потчует ранних гостей. Все ближники знали, что по утрам князь Авсень не пьет хмельного, а потому без споров и обид ублажали чрева дарами щедрого Даджбога, пославшего ныне на княжий стол, кроме кваса, еще и кашу с ядреным хреном. Авсень облизал деревянную ложку и строго глянул на сына:

– Ревешь, как медведь, объевшийся малины.

– Так ведь такие убытки, отец родной, тут впору волосы на голове рвать.

Хорс уродился ражим детиной. Не обделили его боги ни ростом, ни статью. И ликом он был чист – в мать. Сам князь Авсень, не в обиду ему будет сказано, красотой и в молодости не блистал, а уж под уклон годов и вовсе зарос бородищей едва ли не по самые вывернутые ноздри. Ну вылитый гмур, да и только. Зато роста князь был хорошего, а что длиннорук, так это доблестному мужу только на пользу. А в доблести Авсенья никто из бояр, сидевших за столом, не сомневался. За пятьдесят прожитых лет князь Сколотии ни разу не дал к тому повода, хотя за плечами у него осталось четыре большие войны и бесчисленное количество мелких стычек. Удал был в молодости князь Авсень, что верхом на коне, что пешим. Едва ли не весь белый свет он обошел, силой своей похваляясь, пока не осел в родном Преславе на великом столе, доставшемся от отца.

– И кто ж тебя, детинушку, обидел? – ласково пропела Лада, кося на Хорса насмешливым взглядом.

– Сынок твой и обидел! – взъерился Хорс. – Стадо коров у меня угнал, пастухов моих побил, живого места на них не оставил. Как хочешь, батюшка, но с родными так не поступают.

– Так может, и не Яртур это был? – враз посмурнела ликом Лада.

Своих выросших сыновей Авсень наделил землей и стадами – пусть живут наособицу, своим умом. Поставил каждому по городцу и махнул рукой. Справятся-де и без моего догляда, не малые дети чай. Да, вишь, промашка вышла. Ну не ладят старшие сыновья Авсенья Смага и Хорс со своим младшим братом Яртуром. И виной тому сын княгини Лады, не вслух и не при ней будет сказано. На этом любой из бояр готов стоять до последу. Еще материнское молоко на губах Яртура не обсохло, а по Преславу уже гул пошел о его проказах. И в чем только того Яртура не обвиняли добрые люди: и вороват-де он, и драчлив, и до чужих женок охоч. А уж скольких девок он перепортил, уму не постижимо! Не успел

уважаемый человек глазом моргнуть, а у его дочки уже живот раздуло. Думали от ветра, а нет – от Яртура. Да что же это делается на белом свете, люди добрые! Не будь этот блудодей сыном князя Авсенья, давно бы его порешили обиженные мужья и отцы, а так приходится терпеть да кричать, обидой своей утираясь.

– Не пойман – не вор! – попробовала защитит сына Лада.

– Так как же не вор?! – побурел от обиды и великого гнева боярин Кобяк, муж дородный и многими уважаемый. – Коли продыху от твоего сынка никому нет, княгиня.

– Смотреть надо за дочками, боярин, – не осталась в долгу Лада. – Меня тоже добры молодцы не один раз соблазняли, но я свою честь для мужнина ложа сберегла. Вот князь Авсень не даст соврать.

А боярину Кобяку и возразить княгине нечего, одно только ему остается – пучить глаза да шевелить в бессильной ярости толстыми губами. Да и опасно ссориться с молодой женой князя Авсенья. Ведунья она не из последних. А ну как напустит порчу не только на обидчика, но и на всю его семью?! Почешешься тогда, злых духов от дома отваживая. А какие убытки хозяйству – волхвы-то даром вадить не будут.

– Коров надо бы вернуть княжичу Хорсу, – заметил вскольз боярин Куделя, муж неглупый, хитроватый и изворотливый, что твой налим.

– А видоки где? – подбоченилась Лада. – Это каждого можно обвинить облыжно. А коров тех, может, дусени угнали.

– Думай, что говоришь, женка, – нахмурил густые брови Авсень. – Откуда в Сколотии дусени. Почитай, лет двадцать они на нашу землю не приходили. Не те у меня воеводы, чтобы позволить чужакам озоровать.

Боярин Кобяк просветлел ликом. Уел-таки свою младшую жену князь Авсень. А бояре уже думали, что и в этот раз сойдет ее сынку с рук великий разбой, как не раз прежде бывало. О князе Сколотии никто худого слова не скажет, в суде он строг, но справедлив. Но, видимо, даже в самом сильном муже есть слабина. И такой слабиной Авсенья была княгиня Лада, женка красивая, дородная, белокожая. А ныне к тому же обиженная мужем. И хотя обида это пустая, бабья, но князь все же чувствует неловкость, потому и медлит с решением. Хотя если с боярского шестка смотреть, то вправе Авсень взять за себя еще одну жену, это славянскими богами не запрещается. Тем более что не обсевок какой берет князь, а дочь правителя Асгарда Олену. Честь, что ни говори, не только для Авсенья, но и для всей Сколотии. В свою очередь, князь Авсень отдает в жены Родегасту Асгардскому свою дочь от средней жены Лелю, тоже красавицу и тоже умницу. А уж рукодельница Леля и вовсе редкостная. Бояре собственными глазами могут сейчас любоваться на расшитое ее руками полотно, коим покрыт пиршественный стол. Конечно, молодая жена требует внимания, а Авсень уже далеко не юнец, ну да с Лады не убудет. Тем более, что кроме беспутного Яртура, она никем более мужа не порадовала. Не родила ему ни сына доброго, ни дочери.

– Скажи сыну, чтобы вернул коров Хорсу, – повел головой в сторону жены Авсень.

– Так ведь не брал он тех коров, – попробовала было перечить Лада.

– Я все сказал, – отрезал князь. – А коли впредь озоровать будет, то я найду на него управу. Так и передай Яртуру.

Оно, может, и не слишком строго рассудил Авсень, зато справедливо. А в вине Яртура никто из бояр ни на миг не усомнился. Не стал бы княжич Хорс возводить на брата напраслину. Средний сын Авсенья отрок честнейший. Да и о старшем сыне князя Сколотии Смаге никто из бояр худого слова не скажет, умом он, может, и не блещет, зато мудрым советам внимает с большой охотой. Словом, не осиротеет великий стол и после смерти Авсенья, долгих ему лет жизни.

Бояре уже собрались от стола отходить вслед за князем, но тут вбежал сотник Смур с худой вестью. Князь Авсень как его слова услышал, так враз с лица спал. Да и мудрено было остаться спокойным, когда на земле такие страшные дела творятся.

– Побили посольство асов на самой границе Сколотии, – вскричал Смур и тем надолго погасил радость в сердцах князя Авсенья и его ближников.

– Границу они пересекли? – уточнил существенное боярин Облога.

– Пересекли, – ответил с горестным вздохом мечник.

– А княжна Олена?

– Не нашел ее воевода Басога ни живой, ни мертвой, – развел руками Смур. – Не иначе как дусени постарались, им дружба Сколотии с Асгардом как кость в горле.

– А я что говорила! – встряла в мужской разговор Лада. – Они и коров угнали, в том уже нет сомнений.

– Да погоди ты с коровами! – рассердился Авсень. – Без тебя тошно.

Пришла беда – раскрывай ворота. И чтобы тем дусеням напасть на асгардское посольство еще до того, как невеста князя Авсенья границу пересекла. Тогда со сколотов спроса нет, они на чужой земле не хозяева. А ныне совсем другой расклад. Опростоволосился воевода Басога. Ведь сказано же ему было, чтобы принял Олену под свою руку сразу у межевого столба.

– Он что там ворон ловил или галок считал? – зло спросил у сотника Авсень.

– Кто ж знал, что асы так спешить будут, – вздохнул Смур. – Мы ведь с первыми лучами были у межи. А они уже лежат порубленные.

– Что ж Родегаст малую дружину с дочерью послал? – покачал головой Куделя. – Ведь знал же, что врагов у нас несчетно.

– Да где ж малую? – удивился Смур. – Двести витязей костями легли на границе.

– Двести витязей! – ахнул Кобяк. – Да быть того не может! Чтобы одолеть столько асов, тьма дусеней нужна. Не могли наши порубежные воеводы такую силищу проспаться!

– В том-то и заковыка, боярин, что не могли, – вздохнул Облога. – Родегаст Асгардский, чего доброго, тоже может усомниться в нашей честности. Решит, что мы сговорились с Волохом, дабы погубить его дочь и дружину.

– Бес бы с тем Волохом сговаривался, – досадливо крикнул Кобяк. – Мы, чай, себе не враги.

Имя князя Себерии Волоха было упомянуто боярином Облогой далеко не случайно. Сватался Волох к Олене, но получил от упрямого Родегаста отказ. И наверняка затаил злобу. А когда узнал, что владыка Асгарда отдает свою дочь за Авсенья, решил посчитаться и с тем и с другим. От Волоха можно ждать чего угодно, мстителен князь Себерии и себе на уме. А война между асами и сколотами берам на руку, ибо она непременно ослабит и тех и других.

– Откуда Волох мог узнать о посольстве? – нахмурился Авсень. – Ведь, кроме нас с вами, о нем никто не ведал.

Взоры бояр, сидевших за столом, обратились на княгиню Ладу. Ей единственной приезд в Преславу красавицы Олены не доставил бы радости. А ревнивые женки куда как коварны.

– Опомнитесь, бояре, – возмущенно фыркнула Лада, – мне тот Волох кровный враг. Он погубил моего отца и братьев. Бояре переглянулись и почесали затылки. Права была младшая жена князя Авсенья. Слишком много крови между берами и орланами, чтобы дочь убитого князя Ария стала водить дружбу с Волохом. Все ж знают, что стольный град Орлик разорил Волох. Говорят, что князь Себерии мстил Арию за своего ослепленного отца. Все может быть, конечно, но ведь сам Волох на пару со своей матерью Турицей того Коломана согнали со стола.

– Так, может, не Волох побил асов и похитил княжну, а сам Слепой Бер, – предположил боярин Кобяк. – Ведь к его несчастью не только Арий, но и Авсень с Родегастом руку приложили.

Скользкую тему затронул Кобяк, очень скользкую. Недаром же князь Авсень глянул на него разъяренным зверем. Слепой Бер был рахманом, изгнанным с острова Блаженства за какую-то никому неведомую вину. Колдовская сила его была велика, и если бы не Турица, опоившая мужа сон-травой, он по сию пору сидел бы на великом столе в Себерии и Биармии, пугая соседей медвежьим рыком. После изгнания Слепой Бер ушел в Рипейские горы и там, на горе Хвангур, построил себе железный замок. И еще говорили, что окунулся он в Черную бездну в надежде вернуть себе зрение. Зрение не вернул, но душу потерял, и теперь назад к Праву ему хода нет. То ли Навь ему служит, то ли он сам стал ее рабом.

– Говорят, что рахманы способны видеть и прошлое, и настоящее, и будущее, – вздохнул боярин Куделя.

– Ну и сидели бы на своем острове Блаженства, – обиделся невесть на кого боярин Кобяк, – чего они в наши земли лезут!

– Я это к тому, – пояснил Куделя, – что Слепому Беру осведомители ни к чему, он сам способен все предсказать и все предвидеть.

Князь Авсень бояр внимательно слушал, а сам при этом теребил седеющую бородку. Видимо, собирался с мыслями. Решать в любом случае предстояло ему. А решение было трудным, страшным было это решение. Куда ни кинь, всюду выйдет клин. Затеять войну с Волохом – себе дороже. Со Слепым Бером – тем более. Но ведь и асы обиду сколотам не спустят. Выходит – война с Асгардом. Вот вам и выгодный союз с князем Родегастом! А ведь все бояре Авсеня к новому браку подталкивали. Всем тогда мнилось, что княжна Олена принесет мир и благоденствие в Сколотию. Да, видать, под несчастливой звездой родилась дочь владыки Асгарда.

– Олену в любом случае надо найти, – покачал головой Облога. – Порченная она или не порченная, но раз на нашу землю ногой ступила, значит, она тебе, Авсень, законная жена.

– Не учи князя, – вскинулась на боярина Лада. – Может, эта девка в стоворе была с Волохом и добровольно ему отдалась.

– Погубив при этом двести своих соплеменников? – удивился Кобяк.

– А хоть бы и так, – усмехнулась Лада. – Страсть, боярин, мозги женкам туманит, а уж девкам тем более. Волох в Асгарде бывал не раз, сумел, наверное, вскружить голову дочери Родегаста.

– Очень даже может быть, – неожиданно поддержал княгиню Куделя. – Волох блудодей известный. А если от нас ему некому было восточку подать, то злыдня следует искать в Асгарде.

– Я бы посоветовался с волхвами, – предложил Облога. – А то мы до вечера судить да рядить будем. А время-то идет, и след похитителей покрывается пылью.

– Баяна спроси, князь, – посоветовал Куделя. – Он средь волхвов самый старый.

В храм Даджбога князь Авсень отправился с большой свитой, но у Священной рощи спешился и далее пошел один, приказав боярам и мечникам оставаться на месте. Не то чтобы Авсень не доверял своим ближним, но разговор с Баяном обещал быть слишком серьезным, не предназначенным для чужих ушей. Князь Сколотии шел по тропинке неспеша, зорко оглядываясь по сторонам. Конечно, волхвы не подпустят чужаков к священной роще, а уж тем более к храму своего бога, но жизнь приучила Авсеня не доверять никому, даже хорошо знакомым и даже родным людям. А главным его наставником в науке жить лишь своим умом был не кто иной, как рахман Коломан, прозванный позже Слепым Бером. Коломан ошибся только однажды, доверившись любимой жене Турице, но эта ошибка стоила ему власти в Себерии. Неужели этот далеко неглупый человек действительно наведалься в Чер-

ную бездну? Но ведь, по слухам, из нее нет возврата. Во всяком случае, князь Авсень не слышал прежде, чтобы человек, ступивший на Калинов мост, когда-нибудь вернулся в мир Яви. Почему же должно повезти именно Коломану?

– А он и не вернулся, – прозвучал из зева капища знакомый голос.

Авсень вздрогнул и ускорил шаги. Войдя под кров божьего дома, князь испытал если не испуг, то волнение. Ему почему-то показалось, что именно сегодня он услышит откровение, способное перевернуть всю его жизнь. В храме было светло, но как сюда попадают солнечные лучи, князь даже не пытался понять. Не его это дело. Авсень с юных лет пошел по пути власти, оставив путь сакральных знаний другим. Таким как Баян. Людям без возраста и без желаний. Для которых слово бога важнее и нужнее всех земных радостей.

Баян, облаченный в ослепительно белую рубашу, поднялся навстречу вошедшему князю с золотым ковшом в руке. Авсень принял священный сосуд обеими руками и осушил его единым духом. Хмельной напиток прочистил забитое дорожной пылью горло, но настроение князю не улучшил.

– Знаю уже, – спокойно произнес Баян, жестом приглашая князя садиться.

Лавка была отлита из золота или металла, очень на него похожого. Да и все внутреннее убранство храма отливалось желтизной. Авсень бывал здесь не один раз, но всегда удивлялся количеству ценных вещей, скопившихся в доме бога за столетия. Впрочем, богатству храма он не завидовал. Даджбогу – Даджбогово, Авсеню – Авсенево.

– Война будет, – вздохнул Авсень, – если не с берами, то с асами.

– Даджбогу война между внуками не в радость, – холодно заметил Баян.

– Можно подумать, что я жажду в крови искупаться, – рассердился князь.

– Сколоты не должны расплачиваться за вину своего правителя.

– А в чем же моя вина? – Авсень даже приподнялся с лавки от удивления.

– Короткая у тебя память, князь, – нахмурился Баян. – А я ведь предупреждал и тебя, и Ария, и Родегаста – не трогайте жар-цвет.

– Не я взял жар-цвет, а Родегаст, – махнул рукой Авсень. – С него и спрос.

– С кого спрашивать, решаем не мы, а боги, – строго сказал Баян. – И боги решили. А мне всего лишь доверили озвучить это решение. На поиски Олены поедут твои сыновья, князь.

Авсень на эти слова волхва потемнел ликом и в ярости сжал кулаки. Слишком многого требовал от него кудесник, ссылаясь на волю своего кумира.

– Не стоит эта беспутная девка жизнью моих сыновей, – зло выдохнул Авсень. – Хитришь, волхв. Пытаешься и меня обмануть, и славянских богов.

– Не ты хулу на меня возводишь, князь, – спокойно отозвался Баян, – а страх, что владеет сейчас твоей душой. Чего стоит Олена, не знаю, но Сколотия стоит дорого, и ради ее спокойствия я готов рисковать не только жизнью, но и душой. Я поеду с твоими сыновьями. Силы мои не беспредельны, но чем смогу, тем я им и помогу.

Вспышка гнева князя Авсеня сошла на нет, оставив на сердце горечь. Не хитрил, похоже, Баян. Ни сейчас, ни тогда, когда предостерегал Авсеня много лет тому назад от опрометчивого поступка. Впрочем, князь Сколотии о сделанном не жалел. Нельзя было оставлять жар-цвет в руках беров. На этом тогда сошлись все три князя – Авсень, Родегаст и Арий. Сын Слепого Бера Волох полагал, что жар-цвет Арий увез в стольный град Орлик, но ошибся. Хранить священную реликвию рахманов князья доверили Родегасту. Ну, хотя бы потому, что стены Асгарда неприступны, а у Родегаста не хватит разума, чтобы обратить колдовскую силу жар-цвета против своих соседей.

– Вы ошиблись, князь, – тихо почти шепотом произнес Баян. – Ты и Арий. Родегаст совсем не так прост, как тебе кажется. Да и трудно, имея под рукой жар-цвет, удержаться от соблазна. Ему нужна была Леля, дочь Майи и внучка Турицы.

– Но зачем?

– В ней кровь Слепого Бера, Авсень. Тебе не следовало брать в жены дочь рахмана.

– Но Майя умерла. Давно. В день, когда родилась Леля.

– Я знаю, князь, – кивнул головой Баян. – Не отправляй дочь в Асгард.

– А тебе не кажется, волхв, что ты опоздал с советами, – обиделся Авсень. – Разве не ты от имени Даджбога благословил этот союз.

– Значит, мы ошиблись оба, – спокойно отозвался Баян. – Но еще не поздно исправить положение. Скажи Родегасту, что Лелю похитили.

– Но ведь князь Асгарда далеко не глупец, – покачал головой Авсень. – Он не поверит мне. Мало того что мы проморгали его дочь Олену, так мы еще и прячем от него нареченную. Это война, Баян.

– Нам нужно выиграть время, Авсень. Любой ценой. Всю вину мы возложим на Волоха. Скажем Родегасту, что это именно он похитил обеих девушек.

– И стадо коров в придачу, – криво усмехнулся князь Сколотии.

– Каких еще коров? – удивился Баян.

– Пустое, – махнул рукой князь.

Авсень и верил и не верил Баяну. Этот человек знал гораздо больше, чем говорил. Но и не прислушиваться к его советам князь не мог. Если Родегасту удастся раскрыть секрет жар-цвета, то соседям асов солоно придется, а сколотам в первую очередь. Власть способна вскружить голову любому человеку. А уж тем более такому честолюбцу, как Родегаст Асгардский.

– Куда ты собираешься вести моих сыновей? – прямо спросил у волхва князь.

– В Себерию, к князю Волоху, а там как получится.

А получиться может весьма скверно. Конечно, между Себерией и Сколотией сейчас мир, и Волох вряд ли решится убить сыновей князя Авсения открыто из опасения вызвать недовольство своих бояр, но никто не помешает ему известить их мороком или ядом.

– Мы потребуем у Волоха вернуть Олену.

– И он вам ее отдаст? – скривил губы Авсень.

– Вряд ли, – пожал плечами Баян. – Но он выставит условия, и мы наконец сможем судить о его намерениях. Не исключая, что именно Волох станет нашим союзником в борьбе против асов.

– А если Волох и Родегаст здесь совершенно ни при чем и всему виной Слепой Бер?

– Тогда тем более следует заручиться поддержкой Волоха и его матери Турицы.

– Ты убедил меня, волхв, – кивнул головой Авсень. – Завтра поутру я пришлю к тебе своих сыновей.

Преслав встретил князя, возвращающегося из Священной рощи, громким гулом вечернего била. Авсень покосился на встревоженных бояр и огрел коня плетью. В стольном граде случилось несчастье, иначе бирюч никогда не рискнул бы потревожить покой горожан в неурочное время и без ведома князя.

– Неужели асы вторглись в наши земли? – крикнул на скоку боярин Куделя.

– Типун тебе на язык, – рассердился Авсень.

– Тогда пожар, – сделал вывод боярин Кобяк.

– А дым где? – огрызнулся Облога.

Князь Авсень первым влетел в распахнутые ворота стольного града, едва не стоптав при этом нерасторопного стражника, и вихрем промчался через торговую площадь. Пожара не было. Уж что-что, а запах гари князь уловил бы сразу. Зато во дворе княжьего терема царил переполох. Причем суетились в основном мамы и няньки, а мечники в задумчивости чесали затылки. От бабьего ора у князя заложило уши, и он никак не мог взять в толк, что пытается растолковать ему сотник Смур.

– Какой еще грифон?

– Грифон похитил Лелю, когда она пошла с девками к реке Роси.

Авсень так бы и опустился на ступени крыльца, спасибо боярам, не дали князю осрамиться на виду у челяди, подхватили ослабевшего владыку под руки и скорее внесли, чем ввели в терем. Выпив поднесенного Ладой квасу, Авсень наконец пришел в себя. Ближники, окружившие князя, растерянно переглядывались и пожимали плечами. О грифонах в Сколотии не было помину лет уже, пожалуй, сто. Если верить преданиям, дошедшим из глубины веков, последний раз крылатые псы нападали на Преслав еще при князе Вандале. По слухам, Вандал чем-то прогневил их хозяина, бога Семаргла, за что и поплатился. Но ведь с тех пор сколоты жили с гневливым богом в мире, исправно принося ему жертвы, так с какой же стати он решил насладиться на них своих летающих подручников?

– По слухам, грифоны водятся также в Рипейских горах, – тихо подсказал князю боярин Облога.

– Неужели Слепой Бер? – ахнул боярин Кобяк. – Вот ведь несчастье, так несчастье.

– А зачем рахману похищать собственную внучку? – засомневался Куделя.

– Видимо, затем, чтобы она не досталась князю Родегасту, – предположил Кобяк.

– Позовите моих сыновей, – распорядился Авсень. – Хочу наставление им дать перед дальней дорогой.

Бояре, услышав от князя такие слова, растерянно переглянулись, зато женка Лада и здесь не удержалась от злого слова поперек расстроенному Авсеню.

– Воля твоя, князь, но я своего Яртура ни к Семарглу не пущу, ни к Слепому Беру. Не ровня он им, чтобы силой с ними мериться.

– Молчи, женщина, – строго и веско произнес Авсень. – Я в своих сыновьях властен.

Глава 2

Волшебный меч

Княжич Яртур в Преслав ехал с неохотою. Наверняка спрос с него решил учинить батюшка князь, иначе не прислал бы за ним двадцать лихих мечников во главе с сотником Смуром. Чего доброго, в поруб посадит за нечаянную вину. Не собирався Яртур угонять тех коров. Сами они за ним пошли, стоило ему только заиграть на свирели. Кто ж знал, что эти глупые животные так любят птичьи трели. А что пастухов побил, так это вовсе недоразумение. Не признав в худой одежонке княжича, они решили у него свирель отобрать. Вот и поплатились за свое неразумие.

– А почему ты в худую одежонку облачился, княжич? – спросил заинтересованный Смур.

– По-твоему, я должен был в парче в коровий загон идти? – удивился Яртур.

– Загон-то не твой, а Хорса, – напомнил забывчивому княжичу Шемякич, молодой зеленоглазый мечник.

– Обознался, – быстро ответил Яртур. – С каждым может случиться.

Мечники засмеялись. Не поверили, зная, княжичу, честнейшему в Сколотии человеку. А ведь он им правду рассказал или почти правду. Не нужны ему были Хорсовы коровы, но не отказываться же от добра, плывущего прямо в руки. Ведь глупые буренки сами пришли в Яртуров загон. А он в это время на свирели играл, и только.

– В терем боярина Кобяка ты тоже случайно попал? – ехидно спросил Шемякич.

– Заблудился, – честно признался Яртур. – Ночь ведь была, хоть глаз коли. Щупал, щупал руками, пока не обрел искомое. А что, неужели и боярин Кобяк на меня в обиде? Я ведь у него даже солонки не взял. А все отдавал, отдавал, отдавал...

Шемякич едва не подавился смехом, мечники ржали как жеребцы, и только строгий Смур осуждающе качал головой. Беспокойного сына родила княгиня Лада своему мужу князю Авсеню. А по виду ведь не скажешь, что хитроват. Глаза честнее честного. Лицо нежное, почти девичье, но плечами широк и станом прям. Кудри золотые. И в седле хорош Яртур, а уж по земле не идет даже, а летит. Ну как тут устоять девкам и женкам.

– Свирель-то покажи, – попросил Шемякич. – Может, она у тебя действительно волшебная.

И ведь как в воду глядел зеленоглазый мечник. Не успел Яртур свою дудочку к губам поднести, как под Смуром взбесилась кобыла. Тут уж мечникам стало не до смеха, особенно тем, которые подобно сотнику пренебрегли жеребцами. Иные не удержались в седлах приплясывающих кобыл, попадали в придорожную пыль.

– Вот тебе раз, – удивился Яртур. – Я же ее для коров делал.

– Ну, княжич, – сказал Смур, с трудом переводя дыхание, – все у тебя не как у людей. Все наперекосяк выходит. Свирель добрую и ту не можешь сделать.

– Женкам нравится, – пожал плечами Яртур.

– Кобылам тоже, – хмыкнул Шемякич. – А по-моему, мечники, не виноват княжич в краже скота. Так и скажем князю Авсеню. Дар у него, а любой дар он, как известно, от богов.

– Боги они тоже разные бывают, – сердито бросил Смур. – Бывают добрые, а бывают злые. Добрый бог не стал бы грифонов на наши головы насылать.

– Каких еще грифонов? – насторожился Яртур.

– Знамо каких – с крыльями, – пояснил Шемякич. – Один такой княжну Лелю похитил сегодня утром.

– Так что ж вы молчали! – взъярился веселый княжич, кося на Смугу враз потемневшим зраком.

Проняло, значит, Яртура. Теперь он как бык будет головой в стену бить, пока не прошибет ее насквозь. И всегда он был такой, начиная с малых лет. Упрется, и ни в какую. Мамки вокруг него суетятся, няньки в ладоши хлопают, а он только водит по сторонам огромными глазами да ревет раненым туром. Только сестра Леля и могла его утихомирить. К Лели Яртур был привязан едва ли не с пеленок. Так и росли они вместе до отроческих годов. Это уж потом их развели в разные стороны, дабы не смущал бодливый бычок смирную телочку.

– Потому и зовет тебя князь Авсень для совета, – пояснил Яртуру Шемякич. – А может, и для большого дела. Ты уж не забудь меня, княжич, если отец пошлет тебя в поход. Ради спасения княжны Лели я готов голову сложить.

Яртур с Шемякичем одногодки и росли вместе, даром что один княжич, а другой мечник. Не разлей вода, словом. На месте Яртура сотник Смур от помощи Шемякича не отказался бы – гожий воин. Мало кому уступит, что на коне, что пешим.

– Ладно, – бросил через плечо Яртур. – Не забуду.

На крыльце княжьего терема Яртур увидел старших братьев. У Смаги вид был удивленный и слегка растерянный. Впрочем, младшего брата он встретил приветливо, видимо, не числил за ним никакой вины. Зато Хорс на Яртура дулся. Руки не подал, здоровья не пожелал. Словно не брат перед ним, а кровный враг. И уж конечно, не в коровах тут было дело. Хорс всего на два года был старше Яртура, а потому натерпелся от него обид еще в раннем детстве. Матери их не ладили меж собой, а бабья вражда к детям перешла. Княгиня Славна родила князю Авсеню двух сыновей, тем и кичилась безмерно. Да и годами она была старше Лады, которая, впрочем, Славне спуска не давала и на каждое ее злое слово находила десяток своих, таких же недобрых.

Тем не менее в терем братья вошли вместе, плечом к плечу, и встали в ряд перед очами рассерженного Авсеня. А уж на кого сердит батюшкакнязь, братья если и не знали, то, во всяком случае, догадывались. Хорс заикнулся было о пропавших коровах, но Авсень так на него глянул, что у несчастного княжича язык к небу присох. До коров ли теперь, когда пропали сразу две красны девицы.

– А на что нам Оленка сдалась? – удивился Яртур. – Пусть ее асы ищут.

– Княгиня Олена моя жена, – бросил на младшего сына строгий взгляд Авсень. – И вырвать ее из рук беров – дело чести нашего рода.

– Вырвем, – не стал спорить с отцом Яртур. – Чай Волох не бог Семаргл и не грифон, чтобы с ним торусы разводить. Дай нам тьму мечников, батюшка, и беры надолго запомнят нанесенную тебе обиду.

– Десять мечников я дам вам, княжичи, но не для боя, а для чести, – строго сказал Авсень. – Не тот случай, чтобы силой похвалиться. Никто вины Волоха еще не доказал, а значит, и спрос с него чинить пока не за что. Дело вам предстоит нелегкое, надо найти и освободить Олену, но так, чтобы сохранить мир между скелотами и берами.

– А если Волох на нас силой ломить будет? – растерянно развел руками Смага. – Что же нам бока ему подставлять?

Смага почти на голову превосходил своих далеко не малорослых братьев. Силой он обладал неимоверной. Разъяренного тура Смага убивал ударом кулака, медведя душил голыми руками, а вот по части разума обделили его славянские боги. Тугодумом был старший сын князя Авсеня, а потому хитрый Хорс вертел им как хотел к своей, разумеется, пользе.

– Не станет Волох на вас нападать открыто, – пояснил Смаге боярин Облога. – Не позволят ему беры обижать гостей. Да и сам князь Себерии далеко не дурак и понимает, что, нападая на скелотов, он тем самым признает свою вину в похищении Олены и убийстве двухсот витязей из Асгарда.

– Ну а грифона, укравшего Лелю, убить можно? – спросил насмешливо Яртур. – Не нанесем ли мы тем самым обиду богу Семарглу?

Князь Авсень насмешку в словах младшего сына уловил и побагровел от обиды. Однако чести своей не уронил и не стал плескаться гневом на беспутного мальчишку.

– Коли доберешься до грифона, Яртур, то убей его, – холодно сказал Авсень. – А коли ты не сделаешь этого, то я прилюдно назову тебя трусом.

Довел все-таки отца до злого слова сынок княгини Лады. Любому же ясно, что убить грифона одному человеку не под силу. Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. И теперь волей-неволей Авсеню придется в свой черед отвесить Яртуру словесную оплеуху. Впредь молодцу наука – не будет языком попусту чесать.

В Бранибор, стольный град коварного Волоха, братья выехали ранним утром следующего дня. Путь предстоял неблизкий – через дремучие леса и высокие горы. Впрочем, кудесник Баян, вызвавшийся сопровождать княжичей, дорогу до Себерии знал как свои пять пальцев. Князь Авсень слово свое сдержал и выделил сыновьям для почета десять мечников во главе с сотником Смуром. Ну и Шемякич был здесь же. Никак не мог зеленоглазый мечник отстать от своего друга Яртура. Коней для дальней дороги подбирал Смур, и подбирал с толком, чтобы и выносливые были, и на ногу скорые. И отобрал он только жеребцов, чем вконец распотешил Шемякича. Каждый мечник вел заводного коня в поводу, дабы при нужде пересесть на отдохнувшего. На двух конях долгий путь можно было проделать едва ли не вдвое быстрее.

– За седмицу доедем? – спросил Яртур у сотника Смюра.

– Может, и доедем, – криво усмехнулся тот.

Пока дорога шла полем, кони борзо несли всадников, а вот как в лес въехали, тут уж поневоле пришлось придержать расходившихся жеребцов. Впрочем, лес пока что был знакомый, хоженный и езженный, свой, сколотский, в котором если и можно было ждать нападения, то только от дикого зверя. А в Сколотии известно какие звери – медведи, волки, кабаны да туры. Медведи и волки в летнюю пору на людей не нападают, кабаны, если их не трогать, тоже, а вот туры всегда готовы подцепить рогами зазевавшегося коня и всадника. К турьему стаду и летом лучше не приближаться.

– Слышал я, что грифона можно убить только мечом-кладенцом, – сказал Шемякич, задрав голову к небу.

– А где тот кладенец взять? – усмехнулся Хорс.

– У гмуров, – охотно пояснил Шемякич. – Только они умеют ковать такие мечи.

– До гмуров еще добраться надо, – махнул рукой Смага. – Никто к их становищам дороги не знает.

– Гмуры не в становищах живут, а в пещерах, – возразил княжичу Шемякич. – Даром они, конечно, волшебный меч не отдадут, но поторговаться можно.

– А что ты им взамен предложишь, дурья голова? – рассердился Хорс. – Золота у них полны кладовые.

– На разрыв-траву они меч-кладенец поменяют, – вздохнул Шемякич и покосился при этом на Баяна. Однако волхв на слова зеленоглазого мечника даже бровью не повел – то ли не знал, где растет разрыв-трава, то ли не хотел связываться с вилами, которые ту траву охраняют. Озерные девы далеко не всегда благосклонно относятся к людям, иные норовят их в свои подводные чертоги утащить, чтобы натешиться с ними всласть. И редкий муж потом от них живым и здоровым возвращается.

– Я бы рискнул, – сказал Яртур, глядя прямо в глаза мечнику.

– Даже и не думай, – резко обернулся к сыну Лады кудесник Баян. – Пропадешь ни за кун.

Да и зачем тебе разрыв-трава, коли ты дороги к гмурам не знаешь.

– Я знаю, – сказал негромко Шемякич. – Мне отец однажды указал на пещеру, где они, по слухам, обитают.

– А далеко до той пещеры? – спросил заинтересованный Смага.

– Будем ехать мимо – покажу, – пообещал мечник.

Про отца Шемякича разное говорили. В том числе и недоброе. Говорили, что путался Кудря с озерными девами, гмурами и даже волотами. Может, и напраслину на него возводили, но ведь тут как посмотреть. О матери Шемякича никто ни в Преславе, ни в окрестных городах и селах ничего не слышал. Но ведь не с ветру же рыжий мечник взялся. Кто-то же его выносил и родил. А сам Кудря пал в бою с дусенями, когда Шемякичу еще десяти лет не исполнилось. Так малой и рос при княжьем дворе, опекаемый княгиней Ладой. Из сколов, что сейчас продвигались по лесной тропе, Кудрю хорошо знали только сотник Смур и кудесник Баян, остальные по младости лет только слышали о нем были и небылицы. Но по всему выходило, что отец Шемякича человеком был непростым, не чуждым ведовству и волхованию.

– А без кладенца нам грифонов не одолеть, – вздохнул Шемякич. – Не берет обычный меч их дубленую шкуру.

В этот раз Яртур промолчал. Ничего не сказал и кудесник Баян. И, наверное, зря. Сотник Смур был уверен, что эти двое, княжич и мечник, свою безумную затею так просто не оставят и обязательно попытаются договориться с вилами. Сам Смур ни за какие калачи не стал бы искать встречи с озерными девами. И к гмурам бы не пошел. Ибо коварнее гмуров нет на этой земле народа. Они хоть и ростом небольшие, может, в половину меньше людей, но силой обладают немеряной. Да и колдуны среди них попадаются изрядные. Навести порчу на человека им труда не составит.

Первая ночь прошла без происшествий. Никто не потревожил посланцев князя Авсенья: ни зверь, ни дух, ни человек. Неприятности начались, когда сколоты ступили на чужую землю. А случилось это на четвертый день пути. Первым след на влажной лесной земле, густо усыпанной прошлогодними недопревшими листьями, увидел глазастый Хорс, он и указал на него своим спутником-витенем. След очень походил на человеческий, но по величине превосходил его втрое.

– Волот, – без труда определил Смур.

О лесных великанах слышали все, хотя ни княжичам, ни мечникам, за исключением разве что сотника, встречаться с ними прежде не доводилось. Волоты были куда выше людей ростом. Шерсть на их телах росла столь густая, что им не требовалась одежда даже в лютые холода. В драке волоты использовали огромные дубины, способные размозжить головы не только человеку, но и коню. А об их злобном нраве среди сколотов ходили легенды. Случалось, волоты своими огромными когтистыми лапами рвали людей на части, не брезгуя их мясом. Словом, опасные соседи, что там ни говори.

– Смотреть в оба, – распорядился Смур. – Волоты, случается, нападают и днем, если чувствуют за собой силу.

– Может, кудесник Баян на них порчу наведет или отпугнет тайным словом, – покоился на седовласого волхва мечник Хмара.

– Волоты порчи не боятся, – холодно отозвался на слова расторопного молодца Баян.

Смур то и дело озирался по сторонам, держа под рукою секиру, однако ничего заслуживающего внимания не приметил. Захрустели далеко в стороне сухие ветки, но сказать с уверенностью, что это именно волот потревожил тишину густого леса, сотник не рискнул бы. Похоже, волот был один и решил, что добыча ему не по зубам. Нельзя сказать, что лесные великаны боятся людей, но и без крайней нужды они на них все-таки не нападают, вопреки расхожему мнению. Это скорее люди, занимаясь охотой, случается, тревожат волотов в их

логовах. И тут уж у лесных великанов нет другого выбора, как только стоять насмерть, защищая своих самок и детенышей.

– А людскую речь они понимают? – спросил мечник Перегуд.

– Не знаю, – усмехнулся Смур. – Мне не доводилось с ними меды распивать.

На ночной привал остановились у лесного озера. Место подозрительное, с какой стороны ни посмотри. В таких лесных озерах живут коварные вилы, от которых добрым молодцам следует держаться подальше. Но ведь и коней где-то же надо поить, ибо без воды ни человеку, ни животному долго не продержаться. Смур долго стоял на берегу, ждал, когда притомившиеся кони утолят жажду, и всматривался в гладь озера. Время от времени по этой глади пробегала рябь, но это, скорее, по вине легкого ветерка, подувшего к вечеру, чем разгулявшихся вил.

– Побоятся они выйти на берег, – сказал княжич Смага, приблизившись к воде. – Да и кудесник с нами. А вилы волхвов страсть как боятся.

– Твоими устами да мед бы пить, – вздохнул Смур, но и у него появилась надежда, что обойдется все как-нибудь и покинут они это озеро без больших потерь. Тем не менее сотник посоветовал мечникам держать луки наготове.

– Не стану я стрелять в вил, – нахмурился Шемякич, – да и вам не советую.

– Никто их убивать не собирается, – рассердился на мечника Смур, – а пугнуть не помешает.

Сотник еще долго лежал с открытыми глазами, любуясь ночным небом и вслушиваясь в шорохи леса. Рядом с ним беспокойно ворочался княжич Смага, тоже, видимо, боявшийся неожиданного появления озерных дев.

– Нет, не придут они, – раздался из темноты голос мечника Хмары. – Луна на ущербе, а в такие ночи вилы смиреннее смиренного.

Смур и сам не заметил, как уснул, и, похоже, спал крепко, поскольку тревожный зов княжича Смаги не сразу дошел до его затуманенного сознания.

– Это что же, птицы поют? – растерянно спросил он, открывая глаза.

– Свирель, – пояснил Смага. – Яртур вил распаляет.

– А Шемякич где? – приподнялся на локте сотник.

– С Яртуром ушел, – зло прошипел Хорс едва ли не у самого уха Смуре. – Погубят нас безумцы. Это им не чужих коров из загона выманивать.

До Смуре наконец дошло, зачем Яртуру понадобилось играть среди ночи на свирели. Вилы, похоже, не собирались выходить на берег, так эти деревянные головы сами решили напроситься к ним в гости. Сотник ничего необычного в звуках дудочки не находил. Но ведь коровы-то из загона ушли и кобылы взбесились, смутив жеребцов своим странным поведением. Так неужели и вилы откликнутся на зов хитроумного сына княгини Лады?

– Ой зря он их распаляет, – запричитал Хмара, – ой зря!

– Умолкни, – прикрикнул на него Перегуд. – А то и на наши головы беду накличешь.

Свирель вроде бы умолкла, зато послышался плеск воды и женские голоса. У сотника Смуре все внутри похолодело. Хорошо хоть у Яртура хватило ума играть на свирели вдали от стана, где сейчас находились его товарищи по путешествию.

– Может, коней оседлать? – предложил Хорс.

– А где кудесник Баян? – спросил Смур.

– За ними пошел, – откликнулся из темноты дозорный Бекас.

– Что же он их не остановил? – рассердился Хорс.

– Значит, крайней нужды в том не было, – сделал вывод княжич Смага и, похоже, рассудил верно.

Кудесник хоть и остерегал Яртура от опрометчивого шага, но как-то не слишком настойчиво. Похоже, Баян надеялся на Шемякича, подтверждая тем самым сплетни досужих

кумушек о матери зеленоглазого мечника. Сотник Смур знал Шемякича едва ли не с пеленок и до сих пор ничего необычного за ним не примечал. Мечник он, конечно, удалой и удатный, но таких молодцов у князя Авсенья полный двор.

Вновь заиграла свирель, а женские голоса зазвучали громче и стройнее, похоже, вилы встали в хоровод. Слов Смур не разбирал, но жар в крови почувствовал. Жеребцы тоже заволновались, не говоря уже о мечниках. Но если людей на месте удерживал страх, то с глупыми животными следовало подсуесться.

– Жеребцов ловите, – крикнул Смур и ухватил под уздцы двух своих коней. Княжичи и мечники немедленно подхватились на ноги и забегали по стану. Счастье еще, что кони не успели далеко уйти, а то пришлось бы их потом из озера вылавливать.

– Вот ведь напасть на нашу голову, этот Яртур, – не удержался от ругани в сторону брата Хорс. – Погубит он нас, помяните мое слово.

Однако ничего пугающего пока не происходило. Кони успокоились. Умолкла волшебная свирель, да и женских голосов не было слышно.

– Все, – сделал вывод Хмара. – Вилы ушли под воду и княжича с Шемякичем утянули. Теперь не скоро мы их увидим.

– Типун тебе на язык, – рассердился Смага. – Беду напророчишь.

Смур привязал успокоившихся коней к дереву и присел на седло, лежащее в траве. До рассвета оставалось всего ничего, звезды на небе начали потихоньку блекнуть. Однако луна, хоть и ущербная, продолжала дразнить путешественников своим неярким, но таинственным светом. Над головами мечников зачирикала птичка, товарки с соседних деревьев с охотой откликнулись на утренний зов непоседы. Лес, похоже, отходил от окутавшего было его ночного морока, однако Смур не почувствовал облегчения, даже когда увидел кудесника Баяна, выходящего из-за деревьев.

– Седлайте коней, – распорядился седобородый волхв.

– А как же... – начал было сотник.

– Они нас догонят, – сказал спокойно Баян, – если, конечно, останутся живы. Привяжите здесь, у дерева, их коней.

Смура так и подмывало расспросить кудесника о действе, происходившем в эту ночь на берегу озера, но сотник сдержал себя. Если Баян не счел нужным говорить о вилах вслух, значит, так тому и быть. Об иных таинствах, творящихся на земле и под водой, лучше не знать вовсе. Ибо лишние знания отягощают сердце и разум, мешая мечнику исполнять свои обязанности.

– А какие они, эти вилы? – все-таки не удержался от вопроса княжич Смага.

– Красивые, – ответил Баян и после некоторого раздумья добавил: – Очень красивые.

Больше о вилах сколоты старались не поминать, дабы неуместным словом не навлечь на себя немилость лесных духов, которые, по слухам, находятся в подчинении у озерных дев. Хмара, правда, все время оглядывался назад в надежде услышать топот коней Яртура и Шемякича, но, увы, за спиной у сколотов царил тишина, нарушаемая лишь веселым щебетом птиц.

До границы Себерии было уже рукой подать, когда навстречу сколотам выехали из густых зарослей два всадника, ведущих в поводу заводных коней. Хмара, первым их опознавший, весело рассмеялся и приветственно замахал руками. И было от чего радоваться сыновьям и мечникам князя Авсенья, ибо, если судить по внешнему виду, Яртур и Шемякич нисколько не пострадали за время своего долгого отсутствия. Обоих буквально распирало от спеси и обретенной в странствиях удачи.

– Нашлась пропажа, – хмыкнул разочарованный Хорс. – И где это вас носило?

– Торговались с гмурами, – охотно отозвался Яртур.

– Ну и... – вскинулся в седле Хмара.

– На, смотри, – протянул ему сын Лады меч, отливающий синевой.

Хмара от зависти даже крикнул. Все-таки недаром знающие люди говорили, что гмурские кузнецы не чета сколотским. С первого взгляда бросалось в глаза, что кладенец всем мечам меч. Хмара не удержался и взмахнул им над головой. Две срезанные ветки тут же упали под ноги его гнедого коня. Гмурский меч был легче сколотского и лучше уравновешен. Махать таким было одно удовольствие. А вот рукоять его была простой, без всяких украшений, если не считать, конечно, таковым голову змеи, венчающую ее. Этот знак Навьего мира мечникам не понравился. Похоже, не зря про гмуrow говорят, что они к Нави ближе, чем к Яви.

– И много гмуры запросили за кладенец? – спросил, прищурившись, Хорс.

– Много, – не стал разочаровывать его Шемякич. – Целое лукошко разрыв-травы.

– А зачем им столько? – удивился Бекас.

– Волшебная трава рвет камень, – пояснил зеленоглазый мечник. – А гмуры живут под землею. Им без разрыв-травы нельзя.

– Тебя они тоже одарили? – спросил Хмара у Шемякича.

– Как видишь, – похлопал тот ладонью по рукояти меча, висевшего у пояса. Впрочем, увенчана была та рукоять головой не змеиной, а женской.

– Это за что же тебе такое послабление? – удивился Хорс.

– Откуда мне знать, – недовольно передернул плечами Шемякич. – Взял, что дали. Выбирать не приходилось.

– А какие они по виду, эти гмуры? – спросил любопытный Бекас.

– Мы видели только одного, – пояснил Яртур. – Росту малого, зато бородачи до земли. Назвался Тырей. Посмотрел нашу траву и через день принес на мену два меча.

– Прозвище, однако, – усмехнулся Хмара. – А в пещере вы были?

– Кто же нас туда пустит, – усмехнулся Шемякич. – Да и не очень-то хотелось. В пещеру гмуrow легко войти да трудно выйти.

Глава 3 Бранибор

Бранибор поразил скотов своими размерами. Был он едва ли не втрое больше Преслава и превосходил его высотой и крепостью стен, сложенных не из дерева, а из камня. Город стоял на холме, а в окружающем его рву плескалась вода. До ближайшего лесочка было версты четыре, не меньше. Похоже, беры специально вырубил все деревья и кустарники в округе, дабы злые люди не смогли подобраться к городу незамеченными. Скоты, впрочем, прятаться не собирались и, подъехав вплотную к широкому рву, затрубили в рог, дабы привлечь к себе внимание хозяев. На зов гостей браниборцы откликнулись не сразу. То ли не доверяли пришельцам, то ли еще не проснулись, хотя Даджбогова колесница давно уже катилась по синему небу.

– С опаскою живет Волох, – усмехнулся Хорс, с интересом разглядывая каменную башню, прикрывающую городские ворота.

– Мост-то они нам кинут или нет? – рассердился княжич Смага и вновь потянулся к рогу, висящему у пояса.

Впрочем, трубить во второй раз ему не пришлось, город распахнул навстречу гостям окованные железом ворота. Проехав по опустившемуся мосту, скоты спешили на городской мостовой, с интересом разглядывая дома, строенные на себерский лад. Дома почти сплошь были двух- и трехъярусные. Причем первый ярус был сложен из камня, а второй и третий – из огромных бревен. Но выглядели логова беров смурновато. Ни тебе резного крыльца, ни окон, украшенных наличниками и ставнями. Безопасность жилища для здешних жителей, похоже, была куда важнее красоты. На чужаков беры косились с интересом, но вопросов не задавали. Блюли законы гостеприимства. Особых отличий во внешности между берами и скотами Яртур не обнаружил. Разве что в Браниборе чернявых было побольше, чем сухих.

– Кто покажет нам дорогу до терема князя Волоха? – громко спросил сотник Смур.

– А что ее показывать? – удивился стражник, облаченный по долгу службы в колонтарь. – Поедете прямо – упретесь в Кремник.

Скоты с охотою последовали мудрому совету браниборца и через добрую сотню шагов увидели еще одну стену. Логово Волоха тоже было сложено из камня и, по сути, являлось крепостью внутри крепости. Однако ворота Кремника стояли распахнутыми настежь, словно его хозяин уже знал о прибытии гостей. Князь Волох встретил скотов на крыльце своего роскошного терема приветственным взмахом руки. Яртур впервые видел владыку Себерии, а потому слегка подивился его обличью, никак не соответствующему дурной славе, которая шла об этом человеке по окрестным землям. Волох был высок ростом, широкоплеч, темноволос и улыбчив. По слухам, ему уже исполнилось сорок лет, но выглядел он значительно моложе. Любезность его простерлась до того, что он сошел с крыльца навстречу кудеснику Баяну и на его поклон ответил поклоном столь же глубоким.

– Рад приветствовать мудрого старца на своей земле, – произнес Волох хрипловатым голосом и повел рукой, приглашая волхва и его свиту в дом.

Мечников во дворе было немного, десятка два от силы. Из чего Яртур заключил, что хозяин гостей не боится и, видимо, никакой вины за собой не чувствует. Во всяком случае, кровных врагов не встречают в одном кафтане, не прикрыв грудь броней. А у Волоха под рукой не имелось ни меча, ни секиры, разве что кинжал торчал из-за широкого пояса. И бояре, окружавшие себерского князя, тоже оказались безоружны. И тоже, видимо, не чаяли подвоха от заезжих людей. А уж улыбались они скотам так, словно встретили в их лице

самых добрых друзей. Яртур пока что на их улыбки откликаться не торопился, но на поклон отвечал поклоном, как это и положено по обычаю.

– Если по встрече судить, – шепнул на ухо княжичу Шемякич, – то добрее беров нет племени в наших краях.

Яртур в ответ только плечами пожал. Действительно, после столь сердечной встречи гостям неловко было упрекать хозяев в коварстве. Княжичей и кудесника Баяна хозяева посадили в наверхье пиршественного стола рядом с Волохом и его ближними боярами, а мечников-сколотов разместили вперемешку с берами. Стол, накрытый челядинами себерского князя, буквально ломился от яств. Сколоты, оголодавшие за время долгого пути, не заставили себя упрашивать и с удовольствием набросились и на дичину, и на домашнюю птицу, приготовленную без особых затей, но с большим старанием. Меды в Браниборе тоже варить умели, так же, впрочем, как и хмельное пиво. Хозяева от гостей не отставали ни в еде, ни в питии, и очень скоро холодок отчуждения, заметный в начале встречи, сменился почти братскими отношениями.

– Прибыли мы к тебе, князь Волох, с большой печалью, – завел наконец речь о главном кудесник Баян после того, как все здравицы в честь хозяев и гостей были произнесены и вместительные чаши не по одному разу осушены до дна.

– А что такое? – удивился владыка Себерии, и на его лицо, сияющее гостеприимством, набежала тень.

– Разве ты не слышал, князь, что дусени убили на нашей земле двести витязей Асгарда и похитили дочь Родегаста, княжну Олену?

– Быть того не может! – ахнул Волох. – Двести витязей – сила немалая. Как же это дусени с ними справились да еще на чужой земле?

Вопрос был задан по существу, но, увы, кудесник Баян не дал на него ответа к великому огорчению Волоха и насторожившихся себерских бояр.

– К сожалению, на этом наши несчастья не закончились, – продолжал Баян. – На следующий день грифон украл дочь князя Авсеня, прекрасную Лелю.

На эти слова кудесника беры отреагировали более сдержанно. У Яртура создалось впечатление, что они не поверили сколотам. Более того, заподозрили их в коварстве, в попытке обмануть князя Родегаста. Конечно, асы берам не друзья, и за интерес асгардского владыки никто из браниборцев сапоги бить не собирался, но уж больно подозрительна эта пропажа княжны Лели накануне свадьбы. И в свете этой пропажи уже и бесчинства дусеней не выглядят столь очевидными.

– Я о грифонах давненько не слышал, – насмешливо протянул браниборский боярин Ермень. – Ходили даже слухи, что волоты их вообще извели под корень лет пятьдесят тому назад.

– А мне гмур Тыря сказал, что месяц назад грифон напал на двух его соплеменников и разодрал их в клочья, – возразил беру Яртур.

– Ты был у гмура? – удивленно глянул на княжича Волох.

– Выменял у них меч-кладенец на разрыв-траву, – пояснил Яртур.

– Странно, – покачал головой Ермень. – Гмуры и раньше своими мечами не разбрасывались, а в последние сто лет и вовсе уклонялись от меня.

– Не веришь – посмотри, – протянул княжич кладенец недоверчивому беру.

Ермень меч взял, прицокнул языком от восхищения и передал его Волоху. Князь взял кладенец без большой охоты, но рассматривал его долго и даже зачем-то попробовал на язык.

– Не гмурский это меч, – сказал он наконец негромко.

– Неужели Тыря нас обманул! – возмутился Шемякич. – Но ведь он на наших глазах разобрал кладенцом кусок железа.

– Погоди, мечник, – остановил расходившегося скелота Ермень. – Хорошие мечи способны выковать не только гмуры. А этот еще и со змеиным жалом в рукояти.

– Каким еще жалом? – не понял Яртур.

– Смотри, – сказал Волох и нажал пальцем на камень, заменявший змею глаз. И жало действительно выскочило из разинутой пасти, едва не поранив при этом склонившегося к мечу Смагу. – Такой меч я видел прежде только однажды, у своего отца князя Коломана.

– Так этот кладенец принадлежал Слепому Беру? – удивился княжич Хорс.

– Нет, – покачал головой Волох. – Это другой меч. И сделан он, скорее всего, рахманами.

Более ничего важного за столом сказано не было, да и пир как-то быстро угас. Во всяком случае, Волох и Баян покинули его раньше, чем скелоты и беры успели утолить жажду. Боярам и мечникам ничего не оставалось, как последовать примеру князя и разойтись по своим углам.

– Похоже, мы напугали Волоха, – тихо сказал Шемякич Яртуру.

– Князь у нас не из пугливых, – возразил зеленоглазому мечнику Ермень. – Но вы его растревожили, это точно.

Боярин Ермень был невысок ростом, но плещеист. Красотой он не блистал, и виной тому была короткая бычья шея, на которую была посажена большая, как пивной котел, голова. По скелотским меркам, его можно было бы записать в уроды, но у каждого племени свои обычаи и свои представления о красоте.

– А ведь ты не бер? – прищурился на любезного боярина Яртур.

– Я родом из Биармии, – не стал спорить с гостем Ермень. – Вы нас называете турами.

Про туров говорили, что они частенько роднятся с дусенями, а прежде, во времена дедины, не брезговали они и гмурами, пытаясь подмешать в свои жилы колдовскую кровь подземных жителей. И судя по всему, своего добились. Во всяком случае, о биармцах идет по всем землям слава как о самых отчаянных магах и колдунах, особенно выделяются в этом смысле их женщины. Хотя бы ту же Турицу взять, жену Слепого Бера и мать Волоха – всем колдуньям колдунья.

– Если мне не изменяет память, – усмехнулся Ермень, – то пропавшая Леля доводится княгине Турице внучкой.

– И что с того? – воскликнули в один голос Яртур и Шемякич.

– Я это к тому, что озабочен незавидной участью Лели не меньше вашего, – ответил Ермень. – Княгиня Турица моя родная тетка. Так что вызов брошен не только скелотам, но и нам, биармцам.

– А кем брошен этот вызов? – насторожился Яртур.

– Знал бы – сказал, – вздохнул Ермень.

– Мне показалось, что Волох о чем-то догадывается и готов поделиться своими сомнениями с кудесником Баяном, – сказал Яртур, пристально глядя при этом в глаза боярина.

Ермень раздумывал недолго, а потом, воровато оглядевшись по сторонам, махнул рукой своим новым знакомым:

– Идите за мной.

Яртур и Шемякич переглянулись и почти без раздумий двинулись вслед за биармцем, хотя и не испытывали к нему большого доверия. Надо признать, что терем у Волоха был поболее размерами, чем терем князя Авсеня. К тому же он был каменным, а не деревянным. Если бы не боярин Ермень, скелоты непременно заблудились бы в бесчисленных переходах чужого незнакомого жилища.

– Замок этот построил князь Коломан, – тихо пояснил гостям Ермень. – А уж на чей лад он эти стены возводил – не ведаю. Знаю только, что так до рахмана не строили ни в Биармии, ни в Себерии.

– И много Коломан таких хоромин настроил? – полубопытствовал Шемякич.

– Десятка четыре, не меньше, – охотно отозвался Ермень. – Третью их стоит близ границы с землями дусеней. Еще треть – у границ с вашей землей. А остальные разбросаны по Себерии и Биармии. Далеко не все бояре и вожди наших земель сразу признали Коломана верховным правителем. Иные давали его мечникам от ворот поворот. Но с колдунами бороться трудно, а рахман был самым сильным из них. Никто не мог ему противостоять. Даже мой отец Приам, владевший едва ли не половиной Биармии. Я в ту пору был еще младенцем, но от мечников отца слышал, что Слепой Бер, который, впрочем, не был тогда слепым, наслал на наш город двух страшных птиц, Могола и Сирина. От пения птицы Сирин пали стены Биарма, а Могол растерзал его защитников своими острыми когтями. С тех пор меня одолевает только одно желание, скототы, – отомстить Коломану за смерть отца.

Прежде чем открыть дверь, увитую стальными полосами, Ермень предостерегающе приложил палец к губам. Дверь распахнулась бесшумно, видимо, ее петли были смазаны жиром. Биармец на цыпочках прокрался в темный угол и слегка отодвинул небольшую заслонку, расположенную под потолком.

– Так ты считаешь, что все идет, как надо? – услышал Яртур хриловатый голос кудесника Баяна.

– Я уверен в одном, – отозвался на вопрос волхва князь Себерии. – Женитьба Родегаста на Лели погубила бы всех нас. Нельзя допустить, чтобы сила жар-цвета попала в руки безумцев.

– По-твоему, меч рахманов не случайно оказался в руках Яртура?

– Не притворяйся глупцом, кудесник, – зло прошипел Волох. – Ты отлично знаешь, чей он сын и кто доводится ему дедом.

– Так решили боги, – глухо отозвался кудесник.

– А ты уверен, что правильно истолковал их волю?

– Теперь уже поздно об этом спорить, Волох. Что сделано, то сделано. И ответ перед богами придется держать не только мне, но и тебе.

– Мною двигала страсть, Баян, а тобою трезвый расчет. Но в одном ты прав – мы опоздали с этим спором лет на двадцать.

– Олена находится в Себерии? – прямо спросил кудесник.

– Не знаю, почтенный старец. Все может быть. Пока я уверен только в одном – не я ее сюда привез. Но ты мне, конечно, не поверишь и будешь совершенно прав. Я тоже никому не верю, Баян. Ни тебе, ни родной матери, ни князю Авсеню, ни князю Родегасту. Каждый из нас идет к своей цели, не считаясь ни с кем и ни с чем. Асгардских витязей мог убить Авсень, натравив на них дусеней.

– Зачем?

– Затем, чтобы расстроить свой брак с Оленой, который ему невыгоден. Затем, чтобы не отдавать Лелю князю Родегасту. И, наконец, витязей или, точнее, ряженных мог убить сам Родегаст, чтобы обвинить Авсеня или меня в коварстве. А потом он же похитил Лелю.

– Владыка Асгарда не властен над грифонами, – возразил князь кудесник. – А грифона видели десятки людей, они не могли ошибиться.

– Ты забыл о парсских магах, Баян. Уж они-то вполне могли действовать в сговоре с Родегастом.

– Ты преувеличиваешь, князь. Вряд ли парсы способны приручить грифонов.

– Время покажет, кудесник. Надеюсь, в этот раз ты ничего от меня не утаил?

– Кажется, я ничего не сказал тебе о втором мече, – задумчиво проговорил Баян, – но лишь потому, что Шемякичу он достался не от рахманов. Это меч Кудри, я опознал его сразу.

– Так Шемякич сын Шемахи?

– Да, – ответил Баян. – Он ее сын. И уж конечно, вила не оставит его своими заботами.

– Как все сложно, – почти простонал Волох. – У меня голова идет кругом.

– Так ты не будешь мешать нашим поискам, князь? – спросил Баян.

– С какой же стати, почтенный старец. Я сам сделаю все возможное, чтобы найти Олену. Мы не хотим войны ни с Авсеном, ни с Родегастом. Только имей в виду, кудесник, я хозяин далеко не всех замков, построенных Слепым Бером. Да, там сидят мои люди, и внешне они выражают мне покорность, но что творится в их душах, не знает никто, в том числе и я.

– Не беспокойся, князь, я сумею отличить Явь от Нави, – холодно отозвался Баян.

– Да поможет тебе Даджбог, кудесник.

Сколоты разделились на четыре группы по предложению кудесника Баяна. Яртур не стал спорить со старцем и взял себе в подручники Шемякича, Хмару и Бекаса. Вчетвером им предстояло объехать десять замков, построенных князем Коломаном на границе с землями дусеней. Места были опасные, но тем больше чести, если поиски закончатся удачей. Остальные тридцать замков распределили между княжичами Смагой и Хорсом, выделив им шесть мечников, и кудесником Баяном, взявшим себе в спутники только сотника Смура. Впрочем, волхву достались замки, расположенные в окрестностях Бранибора и представляющие меньшую опасность, чем все прочие.

– Я все-таки не понимаю, – рассердился Смага, – князь Волох нам друг или враг?

– Будем считать его союзником, – печально улыбнулся кудесник. – Открыто на сколотов никто нападать не будет, из опасения накликать гнев Волоха на свою голову, но извести вас тайно большого труда не составит.

– Спасибо, утешил, – мрачно буркнул Хорс, которому предстояло отправиться в Биарию.

– Князь Волох выделил нам проводников из числа своих самых преданных сторонников, – продолжил кудесник. – Но имейте в виду, что девушку можно спрятать не только в замке, но и в небольшой деревушке, в городце, в боярской усадьбе, даже в пещере.

– Нам жизни не хватит, чтобы все это осмотреть, – выразил общее мнение Хорс.

– Значит, так вам на роду написано, – холодно отозвался кудесник, не пожелавший утешить расстроенных братьев добрым словом.

В проводники Яртуру и его мечникам достался боярин Ермень. Если у Волоха все преданные люди такие же, как этот, то долго он на столе Себерии не просидит. Хотя с другой стороны, а кого же еще привечать Волоху, как не сына человека, убитого Слепым Бером? Ермень в дорогу собрался с охотой. Сам выбрал себе коней на княжьей конюшне, не быстрых на ногу, но выносливых. Гожих как для боя, так для долгого путешествия. Из оружия он взял копьё, секиру, шестопер и лук со стрелами.

– Мечу не доверяю, – сказал он Шемякичу. – Орудовать секирой мне привычнее.

– Колонтарь у тебя хорош, – позавидовал чужому счастью зеленоглазый мечник.

– От отца достался, – пояснил Ермень. – Не всякий меч его берет.

Выехали на рассвете через браниборские ворота, распахнутые настежь по такому случаю. Сам князь Волох проводил гостей с крыльца, напутствовав их добрым словом. Вид у князя Себерии был печальный, словно провожал он в дальний путь близких родовичей.

Мечник Хмара считал, что дело сколоты затеяли зряшное. Мыслимое ли это дело, объехать едва ли не всю Себерию, заглядывая под каждый куст. А кто помешает похитителям, узнав о приближении сколотов, переправить княжну Олену из одного замка в другой. И далее – по кругу. Хмара был родом из Орлании, так же как и Бекас, впрочем. После гибели князя Ария и его ближников княгиня Лада перевезла уцелевших боярских отпрысков в Преслав, где они и росли под ее присмотром. По внешнему виду орланы от сколотов ничем не отличались, зато по части упрямства могли дать им сто очков вперед. Яртур, выросший с Хмарой в одном княжьем подворье, очень хорошо знал, с кем имеет дело в его лице. Хмара с дет-

ских лет отличался сообразительностью, но отнюдь не покладистостью характера и всегда упорно стоял на своем.

– И что ты предлагаешь? – спросил Яртур.

– Гадалка нужна. Она подскажет нам, где искать Лелю и Олену.

– Вот умник, – рассмеялся Шемякич. – Гадалка с нас волос девичий потребует.

– Иные умеют и по обличью гадать, – не согласился с другом Хмара.

– Так в том-то и дело, что – по обличью. А здесь, в Себерии, никто ни Олену, ни Лелю в лицо не знает.

– Ты не прав, Шемякич, – возразил зеленоглазому мечнику Ермень. – Одна такая гадалка в Себерии все-таки есть.

– Это ты кого имеешь в виду? – насторожился Яртур.

– Свою тетку Турицу, – спокойно ответил биармец. – Она хорошо знает и Олену, и свою внучку Лелю.

О Турице ходило много нехороших слухов в Сколотии. Что, впрочем, неудивительно. Эта женщина сначала вышла замуж за рахмана, а потом помогла врагам его ослепить. Одно только про Турицу можно было сказать с уверенностью – Слепому Беру она не друг. И если это именно рахман похитил девушек, то его жена сделает все возможное, чтобы расстроить намерения мужа, какими бы они ни были.

– Пожалуй, Хмара прав, – задумчиво проговорил Яртур. – Без ведовства и колдовства нам не обойтись.

– Турицу еще найти надо, – не сдавался Шемякич. – Она, говорят, подолгу на одном месте не живет. Бойтся мести мужа.

– Сдается мне, Яртур, что мать Волоха сама даст о себе знать, – усмехнулся в усы Ермень. – Предчувствие у меня такое.

– Еще один ясновидец, – процедил сквозь зубы Шемякич.

Недоверие зеленоглазого мечника к берам Яртур разделял полностью. Прodelав по равнине за день изрядный путь, княжич был так же далек от цели своего путешествия, как и под стенами Бранибора. Себерия своими размерами едва ли не втрое превосходила Сколотию. Лесов, оврагов и горных кряжей здесь хватало с избытком. В городках и селах тоже недостатка не было. Но это только вокруг стольного града Бранибора. А дальше пойдет почти незаселенная земля, где, кроме пастухов, охраняющих бесчисленные себерские стада, живого человека не встретишь. А вот нечисти в тех местах будет предостаточно. И главная опасность грозит Яртуру и его спутникам не от дусеней даже, а от нави, обитающей, по слухам, в Рипейских горах.

– А волоты на ваш скот не нападают? – спросил Бекас у Ерменя на ночном привале.

– Волоты в лесах живут, – пояснил биармец. – Пастухам досаждают в основном волки и волкодлаки из Муромских лесов.

– Где Себерия, а где Мурома? – удивился Бекас.

– Волкодлаки часто к Рипейским горам ходят, чтобы зачерпнуть там колдовской силы. Бывает, поодиночке, но случается, целыми дружинами приходят. Спускаются на стругах по Большой реке, потом малыми протоками пробираются на наши земли и хапают, что плохо лежит.

– А у них действительно волчье обличье? – спросил заинтересованный Хмара.

– Бывает и волчье, но чаще человеческое. И еще большой вопрос – в каком обличье они страшнее.

– А до ближайшего замка далеко?

– Через седмицу будем.

Бекас даже крикнул, услышав такой ответ от Ерменя. Вот ведь отвалили боги берам земли. Знать бы еще, за какие заслуги. Ведь из окрестных племен доброго слова о них никто

не скажет. Разбойники, каких поискать. Не раз и не два зорили они Сколотию. Да мало сами шли, так еще и дусеней с собой вели, дабы чужим добром поживиться.

– Грифон! – вдруг подхватился на ноги Шемякич, доселе спокойно лежавший на прогретой за день земле. Все сколоты как один уставились в небо. К сожалению, сгустившаяся темнота помешала мечникам разглядеть летающее существо во всех подробностях. Возможно, это был орел или иная крупная птица.

– Грифоны в этих местах никогда не появлялись, – покачал головой Ермень. – Да и что им тут делать. Сами видите – корма для скота недостаточно, крупной живности нет. А грифоны, как и всякие уважающие себя собаки, питаются только мясом.

– А я говорю, грифон это был! – стоял на своем Шемякич. – Что я, по-вашему, летающую тварь от орла не отличу.

– Ладно, – махнул рукой Яртур. – Чего теперь попусту руками махать. Его, паразита, стрелой не достанешь.

Вытоптанная баранами степь сменилась сначала березовыми колками, довольно далеко отстоящими друг от друга, а потом хвойным лесом, от запаха которого у странников едва не закружилась голова. Ехали они по себерским тропам шесть дней, и, если верить Ерменю, до первого на их пути замка было рукой подать. Кони уже изрядно притомились, топая по твердой, как камень, земле, да и люди выглядели куда менее свежими, чем в начале пути.

– Может, твой грифон в замок полетел? – покосился на Шемякича Бекас.

– А что ему в замке делать? – встрепенулся Ермень.

– Мало ли, – криво усмехнулся Бекас. – Не исключено, что он туда девок со всех окрестных земель носит.

Про Бекаса не сразу и поймешь, простодушный он или хитрый. Лицо у него сонное, маловыразительное, зато серенькие глазки на этом лице так и светятся лукавством. Вот и сейчас вроде бы завел он пустейший разговор, а Ермень до того разволновался, что даже в седле заерзал. А с Бекаса все как с гуся вода. Ну ляпнул глупость, что с простофили взять. Яртура поведение биармского боярина насторожило. Чего он, собственно, испугался? Даже если грифоны летают в небе над Себерией, то ведь не Ерменя же в этом вина.

– Я все-таки не пойму, – задумчиво проговорил Яртур. – Зачем Коломану понадобилось строить замок в этих местах? До дусеней отсюда далеко, до Сколотии еще дальше. От кого он собирался отбиваться?

– Замки строят не только для того, чтобы обороняться, но и для того, чтобы нападать, – не очень охотно отозвался на вопрос сколота Ермень. – Там за рекою находится земля альвов. Берам туда хода нет, но ведь Коломан был рахманом.

– А я слышал, что альвы ушли на север, подальше от людей, – нахмурился Яртур.

– Может, ушли, а может, и нет, – вздохнул Ермень. – Если альвы не захотят, чтобы их увидели, то никто из простых смертных их не увидит. В колдовстве альвам равных нет.

– Говорят, что альвы бессмертны? – подал голос Хмара, молчавший до сих пор.

– Убить альва можно, – покачал головой Ермень, – мечом или стрелой. Но своей смертью они не умирают, это точно.

Глава 4

Колдунья

Себерский замок предстал взорам странников, выехавших из чащи, настолько неожиданно, что Хмара даже ахнул. Замок, конечно, был хорош, и стоял он удачно – на высоком холме. Но не в этом было дело. Похоже, беры, обитавшие в этой твердыне, подверглись нападению. Пока трудно было определить и число нападающих, и племя, к которому они принадлежат, но не приходилось сомневаться, что дела у них с самого начала пошли успешно. Трудно сказать, почему защитники замка не заполнили ров водой, ведь река была рядом, но эта их оплошка сослужила добрую службу их врагам. Кроме того, в стене цитадели зияла огромная брешь, через которую сейчас и прорывались чужаки. Такую брешь в каменной стене мог пробить только очень мощный таран, но ничего похожего на осадные машины в окрестностях замка не наблюдалось.

– Разрыв-трава, – первым догадался Шемякич. – Хотел бы я знать, кто им ее дал.

– Это волкодлаки, – крикнул Ермень. – Вон у берега их струг.

Струг не мог вместить более пятидесяти человек, но волкодлаки, атакуя хорошо укрепленный замок столь малым числом, рассчитывали, видимо, на внезапность и на разрыв-траву, которая откроет им проход в каменной стене.

– Я всегда говорил, что деревянные стены надежнее, – усмехнулся Хмара, – их разрыв-травой не возьмешь.

– Привяжите заводных коней к деревьям, – распорядился Яртур.

– Ты что же, собираешься напасть на волкодлаков? – удивился Ермень.

– А чем сокол, да еще конный, хуже волка? – ответил за Яртура Шемякич. – Вперед, сколоты и орланы, не по воздуху, так по земле.

Похоже, волкодлаки никак не ожидали нападения с тыла. А потому удар конных мечников застал их врасплох. Прежде чем они разобрались, что к чему, пятнадцать их товарищей пали бездыханными под ударами мечей и секир. Защитникам замка неожиданная помощь пришлось как нельзя кстати, и они с удвоенной энергией обрушились на своих замешкавшихся врагов. Яртур крутился на коне посреди замкового двора, разя кладенцом направо и налево. Надо отдать должное волкодлакам, доспехи у них были хорошей выделки. Прежде такие Яртур видел только на витязях Асгарда. И совершенно непонятно, как они оказались на волкодлаках, доселе прикрывавших свои тела только волчьими шкурами. Впрочем, даже асгардские доспехи не могли устоять против ударов кладенца. Волкодлаки, осознав безвыходность своего положения, решили вырваться из замка. Построившись клином, они ринулись на конных скелотов, ловко орудуя длинными мечами. Уцелевших волкодлаков насчитывалось никак не меньше трех десятков, а натиск их оказался столь отчаянным, что половине из них удалось вырваться за стены замка, несмотря на противодействие княжича и его мечников. Торжествующий волчий вой донесся от реки, и Яртур понял, что преследовать остатки разбитой разбойничьей ватаги, пожалуй, бессмысленно. Ушли и ушли, туда им и дорога.

– Княгиня Турица в замке? – спросил княжич у пробегающего мимо бера. Воин, разгоряченный нешуточной бойней, лишь неопределенно махнул окровавленным мечом в сторону каменной лестницы.

Яртур спешил за боярином Ерменем и оглядел поле отгремевшей битвы. Десятки волкодлаков лежали на каменных плитах двора в самых живописных позах, порубленные мечами и секирами. Живых среди них не было. Княжич убедился в этом сам, переходя от одного тела к другому. Если бы не волчьи шкуры на плечах, он посчитал бы их асами.

– Так может, они просто ряженые, – предположил Шемякич. – Долго ли убить волка и напаять на себя его шкуру. Асы горазды на выдумки.

– Не похоже, – покачал головой Бекас. – Среди асов преобладают жуковатые, а эти все как на подбор русые. Да и были они по-волчьи, ни один ас так не сможет.

– Наверное, Родегаст их нанял? – предположил Бекас.

– Зачем? – не понял Хмара.

– Затем, что ему был нужен именно этот замок, – отозвался лукавый мечник.

– А что он здесь потерял?

– Вероятно, свою невесту, прекрасную Лелю, – насмешливо покосился Бекас на посмурневшего Ерменя.

Возможно, биармец нашел бы, что ответить настырному орлану, но его опередила женщина в черной накидке, медленно спускающаяся по каменной лестнице:

– Родегаст ошибся, прекрасной Лели в замке нет.

Женщина откинула капюшон, и удивленным гостям открылось молодое свежее лицо в обрамлении черных вьющихся волос. Незнакомка была красива, это Яртур отметил сразу. Но вряд ли молода, это княжич определил не по лицу или по фигуре, а по глазам. Такие глаза не могли принадлежать тридцатилетней женщине.

– Княгиня Турица? – спросил Яртур.

– Угадал, – улыбнулась княжичу женщина. – Рада видеть тебя в своем замке, добрый молодец.

По прикидкам Яртура, Турице было никак не менее шестидесяти лет, но выглядела она вдвое моложе. Видимо, правы были сплетники, утверждавшие, что в жилах матери князя Волоха течет кровь альвов. Альвы и люди редко вступали в любовные связи, но уж коли это происходило, то их потомки получали ценный набор качеств, резко выделяющий их из ряда обычных людей. Теперь понятно, почему Турица не побоялась связать свою судьбу с рахманом, но по-прежнему остается загадкой, почему она так резко переменялась к нему.

Покои княгини были обставлены с вызывающей роскошью. От золотых вещей у сколотов слепило глаза. Каменные стены были сплошь увешаны полотнищами, расшитыми серебряными нитями. Эти нити сплетались в причудливые узоры и лики зверей, никогда не виданных Яртуром. Фигурки этих зверей, отлитые из золота, бронзы и других металлов, были расставлены по залу самым причудливым образом, и гости никак не могли ими налюбоваться.

– Это ведь грифон? – кивнул Яртур на бронзовое подобие крылатой твари, отлитое чуть ли не в половину естественной величины и занимавшее центральную нишу этого во всех отношениях удивительного зала.

Грифон стоял на подставке, сделанной из мореного дуба и покрытой красной, как кровь, материей. Этой же материей был застелен стол, на котором челядины Турицы расставляли блюда и кубки. Похоже, хозяйка решила попотчевать незваных гостей как медом, так яствами.

– Ты угадал, княжич, – спокойно отозвалась Турица. – Или тебе доводилось уже встречаться с этими опасными тварями?

– Пока нет, но я надеюсь до них добраться, княгиня.

– В таком случае, тебе придется отправиться к Рипейским горам, доблестный сколот, – едва заметно улыбнулась Турица.

– Я видел грифона в шести днях пути от твоего замка, княгиня, – вмешался в разговор Шемякич. – Мне показалось, что он летел в эту сторону.

– Любопытно. – Турица вскинула тонкие брови и коротким взмахом руки пригласила гостей к столу.

Надо признать, что беры не уступали сколотам в гостеприимстве. Во всяком случае, и в каменных палатах Волоха, и в замке его матери гостей потчевали от души. Отличие было только в том, что стол, накрытый Турицей, был куда разнообразнее. Названий иных блюд

Яртур не знал и терялся в догадках, из чего же они были приготовлены. А вместо меда и пива Турица выставила на стол вино, привезенное, надо полагать, из дальних земель. Сколоты к вину отнеслись поначалу с недоверием, но, распробовав его на вкус, пришли к выводу, что крепостью оно не уступит выдержанному пиву, и налегли на него с величайшей охотой. Чем, кажется, порадовали хозяйку, отвечавшую на все вопросы гостей с неизменной улыбкой на пухлых устах. Все-таки Турица была очень красивой женщиной, способной смутить покой любого мужчины, не уставшего еще радоваться женскому телу. А что до возраста, то после нескольких кубков крепкого вина о нем забыли все присутствующие за столом.

– Что искали волкодлаки в твоём замке? – спросил захмелевший Яртур у хозяйки.

– Вероятно, золото, – чуть заметно повела плечом Турица. – Волкодлаки из Муромских лесов всегда рыщут в поисках добычи.

– А мне показалось, что их нанял князь Родегаст?

– Зачем? – удивилась Турица.

– Видимо, он решил, что ты прячешь свою внучку Лелю именно здесь, в этом замке, – сказал Яртур, пристально глядя на хозяйку.

– Я слышала, что мою внучку похитили, но неужели кому-то могло прийти в голову обвинить в этом меня?

На красивом лице Турицы действительно отразилось удивление. Но Яртур ей не поверил: эта мудрая женщина знала гораздо больше, чем хотела показать.

– Возможно, тебе не по вкусу был брак Родегаста с дочерью Авсенья, и ты решила ему помешать, – заметил вскользь Шемякич и перевел глаза на бронзового грифона. – Говорят, что рахманы способны оживлять каменные изваяния. И даже оборачивать живых существ в истуканов.

– Увы, мечник, – засмеялась Турица, – я таким даром не обладаю. К тому же этот истукан сделан не из камня, а из бронзы.

– Тогда, возможно, ты сможешь нам определить место, где сейчас находятся Леля и Олена? – спросил Яртур. – Мне сказали, что в Себерии и Биармии нет женщины более сведущей, чем ты.

– Возможно, тебе сказали правду, княжич, – вздохнула Турица. – Во всяком случае, я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе. Кто из вас последним видел Лелю и Олену?

– Лелю последним видел я, – сказал Хмара. – В утро, когда ее похитили, мы встретились во дворе детинца. И Олену – тоже я. Князь Авсень посылал меня в Асгард с письмом к князю Родегасту. Правда, с тех пор прошло уже более четырех месяцев.

– Но ты не забыл, как она выглядит, мечник?

– Конечно нет, – усмехнулся Хмара. – Княжна Олена редкостная красавица.

– В таком случае, следуй за мной, – приказала Турица, поднимаясь из-за стола.

Хмара растерянно посмотрел на Яртура, но тот лишь развел руками в ответ. Ничего не поделаешь, сами обратились за помощью к колдунье и тем самым, возможно, подвергли опасности не только свою жизнь, но и душу. Бывают знания от Прави, а бывают знания от Нави. Княгиня Турица черпала силу сразу из двух источников, будучи одновременно и колдуньей и ведуньей. И если в похищении девушек замешан Слепой Бер, то без черной магии ей не обойтись.

Мечник Хмара был храбрым воином, но в черных обрядах ему участвовать не доводилось. А потому и шел он за Турицей со страхом в сердце и дрожью в ногах. Тем более что путь их лежал по узким переходам, причудливо переплетающимся в странную вязь, очень напоминающую лабиринт. Порою Хмаре казалось, что княгиня Турица сама заблудилась в этом проклятом месте и не сможет найти дорогу назад, погубив тем самым и себя и ни в чем не повинного мечника. Турица то замедляла ход, то ускоряла шаги, и тогда Хмаре при-

ходилось переходить на бег, чтобы не потерять ее из виду. Внезапно колдунья остановилась и резко развернулась к Хмаре лицом.

– Олена! – От неожиданности мечник даже отшатнулся. Вот уж кого он не чаял здесь встретить, так это дочь Родегаста Асгардского. – А где княгиня Турица?

Олена не ответила, а лишь прижала палец к губам и жестом пригласила мечника следовать за собой. Растерявшийся Хмара не посмел ослушаться юную княжну. Но мысли о Турице, внезапно исчезнувшей, его не покидали. Ведь он не на миг не закрывал глаза, боясь потерять из виду свою проводницу и навсегда застрять в лабиринте. Турица была в черном, это он помнил точно, а Олена одета в белое платье, расшитое жемчугом. Выходит, княгиня обманывала своих гостей, говоря, что девушек нет в ее замке? Но тогда почему она сейчас решила показать Хмаре Олену? Уж не затем ли, чтобы потом его убить? Хмара на всякий случай поправил меч, висевший у пояса. Если уж ему суждено умереть в этом проклятом лабиринте, то он постарается дорого продать свою жизнь. О смерти орлан подумал далеко не случайно. Страшные звуки, напоминавшие злобный звериный рык, доносились из-за дверей, мимо которых вела его Олена. Хмару так подмывало толкнуть одну из них, но как раз в тот миг, когда он почти решился на отчаянный поступок, Олена обернулась и предостерегающе вскинула руку. Мечник подчинился ее жесту, а особенно глазам, неожиданно властным и почти чужим на юном и нежном девичьем лице. Прежде Хмара видел Олену только один раз в окружении юных дев Асгарда, но уже тогда был потрясен ее красотой. Вблизи она была, пожалуй, еще краше и... доступней. Олена вдруг неожиданно отшатнулась и прислонилась к стене. Подол ее платья пополз вверх, обнажая удивительно белые и стройные ножки. У Хмары перехватило дух, он словно замороженный наблюдал за Оленой, медленно открывающей ему то, что женщины до поры прячут от глаз мужчин. И только когда подол платья задрался выше пупка, мечник понял, что это приглашение. Приглашение к любви и блуду. В один миг он забыл, что перед ним невеста его князя, и устремился на невинную девушку, как сокол на добычу. Какое-то время он видел только ее шею и слышал только дыхание, свое и Олены. Это продолжалось долго, целую вечность. И закончилось хриплым вскриком наслаждения, открывшим наконец уста молчаливой Олены. Но следом за этим криком последовал еще один, полный ярости. Хмара резко обернулся и увидел мужской лик, иссеченный морщинами и шрамами. Вместо глаз на лице незнакомца были две кровоточащие впадины. И тем не менее призрак видел – видел слившихся в объятиях Олену и Хмару и готов был растерзать их. Во всяком случае, огромные волосатые руки уже тянулись к горлу мечника, столь опрометчиво вступившего в любовную связь с чужой женой.

– Слепой Бер! – крикнула Олена голосом княгини Турицы.

Хмара отшатнулся от женщины и вынес из ножен меч. К счастью, вступать в схватку было не с кем. Морок исчез. Хмара увидел княгиню Турицу, спокойно поправляющую подол платья.

– Ты поступил опрометчиво, орлан, – насмешливо произнесла княгиня. – Тебе не следовало откликаться на мой зов.

– Меня звала Олена, – хрипло произнес Хмара, растерянно озираясь по сторонам. – Ты обманула меня, колдунья!

– Кого ты еще видел?

– Слепого Бера, – неохотно ответил мечник. – Во всяком случае, так назвала его та, которая была здесь до тебя.

– Здесь не было никого, кроме нас с тобой, орлан, – раздраженно воскликнула Турица. – Но если ты видел Слепого Бера, то и он видел тебя. Это плохо, Хмара. До сих пор он убивал всех моих любовников.

– Но ведь это была Олена! – вскричал мечник. – Я не мог ошибиться! Не мог!

– И тем не менее ты ошибся, Хмара, – почти ласково произнесла Турица. – В этом замке Олены нет. Зато теперь мы знаем, что ее похитил Коломан, и она занимает сейчас все его помыслы.

Потрясенный мечник грубо выругался, но княгиня Турица пропустила его слова мимо ушей. Хмара огляделся по сторонам и собственными глазами убедился в том, что находится сейчас совсем не в том месте, где пребывал всего лишь короткий миг назад. Не было дверей, из-за которых неся звериный рык, а была лишь стена, глухая и безнадежная.

– Нашел о чем горевать, – усмехнулась Турица. – Если бы одна из этих дверей открылась, то ты навсегда бы покинул наш мир. Возможно, тебя спасла Олена, возможно, я. Но если со мною ты связан плотью, то с нею только помыслами.

– Будь ты проклята, старая колдунья, – не удержался от злого слова мечник.

– Я дочь альва, – надменно вскинула голову Турица, – если не вмешаются боги, я проживу втрое дольше, чем ты. Мои шестьдесят, это твои тридцать, Хмара. Имей это в виду.

Турица сама вывела расстроенного мечника в зал, где его с нетерпением поджидали товарищи. Гости уже насытились вином и яствами и теперь изнывали от нетерпения, желая поскорее узнать, чем же закончился черный обряд колдуньи Турицы.

– Где находится Леля, я не знаю, – развела руками княгиня. – Зато я знаю, что Олену похитил Слепой Бер. Он прячет ее в Железном замке, к которому идет столь узкая и опасная тропа, что вряд ли найдется человек, способный пройти по ней до конца.

– А если я все-таки попробую? – нахмурился Яртур.

– Тебе придется очень постараться, княжич, ибо эту тропу стерегут страшные чудовища, и грифоны всего лишь мелкие шавки среди них.

– У меня есть меч, сделанный не то гмурами, не то рахманами, – пожал плечами Яртур. – Разве этого недостаточно, чтобы выкрасть девушку из Железного замка?

– Конечно нет, – нахмурилась Турица. – Чтобы добраться до логова Слепого Бера, ты должен стать неуязвимым хотя бы на время.

– Я ведь не колдун, княгиня, – усмехнулся Яртур. – А что касается неуязвимости, то этим не могут похвастаться даже боги. Разве Перун в свое время не одолел Велеса и не заключил его в каменную темницу?

– Ты прав, княжич, никто не обретет бессмертия без дозволения богов. Но боги слишком заняты собой, чтобы обращать внимание на простых смертных. Однако я попытаюсь тебе помочь. В земле альвов есть озеро, искупавшись в котором ты обретишь силу, если и не равную силе богов, то, во всяком случае, достаточную, чтобы сравняться в могуществе с рахманом. Сила эта недолговечна, однако у тебя достанет времени, чтобы добраться до Железного замка и вернуться обратно.

– Насколько я знаю, простым смертным в землю альвов хода нет, – строго глянул на Турицу Шемякич. – Княжич Яртур просто не найдет туда дорогу.

– Это верно, – охотно согласилась с мечником Турица. – Альвы не пускают к себе посторонних, уж слишком много зла видели они от людей. Но они не мешают животным пересекать границы своих земель.

– Даже грифонам? – спросил неожиданно Бекас, чем поверг в смущение хозяйку замка. Впрочем, Турица быстро овладела собой, и на ее красивое лицо вернулась все та же обволакивающая улыбка.

– Купаться в озере лучше всего в полночь, – продолжила княгиня как ни в чем не бывало.

– Ты не сказала, как мне до этого озера добраться, – криво усмехнулся княжич.

– Я превращу тебя в тура, – спокойно сказала колдунья. – Сильное и благородное животное.

– Но я родился соколом, – надменно вскинул голову Яртур.

– В таком случае и обращаться за помощью тебе следовало не к Турице, а к Соколице. Я умею только то, что умею, княжич. Превратить тебя в сокола не в моих силах. Смирись с неизбежным.

– А если я не соглашусь? – нахмурился Яртур.

– В таком случае тебе никогда не попасть на гору Хвангур и не добраться до Железного замка. Я жду тебя до темноты, княжич, если ты не придешь в мою ложницу, твое превращение не состоится.

Турица поднялась из-за стола, слегка поклонилась гостям и покинула зал в сопровождении целой свиты робких челядинок. Мечники тоже решили закончить пир и подышать свежим воздухом во дворе замка. Убитых волкодлаков с каменных плит уже убрали, кровь смыли, а потому гости могли спокойно прогуливаться меж каменных изваяний, лишь очень отдаленно напоминающих людей. Яртура особенно поразило изображение существа с бычьей головой и человеческим телом. Он даже остановился перед ним, чтобы лучше разглядеть это творение чьих-то рук, возможно даже божественных.

– Это одно из воплощений бога Велеса, – пояснил всезнающий Ермень. – Такие каменные идолы стоят едва ли не в каждом нашем городке.

– Зачем? – спросил Шемякич.

– Затем, что мы чтим этого бога в обличье не только человеческом, но и зверином, – охотно отозвался биармец. – Важна ведь суть, а не оболочка.

– Сколоты и орланы чтят Велеса только как покровителя скота, – заметил чем-то расстроенный Хмара.

– Воля ваша, – пожал плечами Ермень. – Но есть и иная ипостась Велеса – Вий, и я бы не стал закрывать на это глаза. Ну хотя бы потому, что Слепой Бер пошел дорогой Вия, а не Велеса, и его победа обернется концом нашего мира.

– Откуда ты знаешь? – насторожился Яртур.

– А ты бы стал жить среди навий в Рипейских горах? – прямо глянул в глаза сколоту биармец.

– Страшновато, – поежился княжич.

– Это потому, что ты человек, Яртур, а Коломан – рахман, вообразивший, что ему дозволено все.

– Я обещал отцу убить грифона, похитившего Лелю, – вздохнул Яртур, – если я не сделаю это, он назовет меня трусом. Воля ваша, мечники, но у меня нет другого выхода, как принять предложение княгини Турицы.

– А если она задумала погубить тебя? – предположил Шемякич.

– Зачем же ей губить Яртура? – запротестовал Ермень. – Он враг Слепого Бера, а следовательно, союзник княгини Турицы.

– Не нравится мне этот грифон, – задумчиво покачал головой Бекас.

– Который? – спросил Яртур. – Тот, что летает в небе, или тот, что стоит на постаменте?

– Оба, – ответил мечник, развеселив своих товарищей.

Ложница княгини Турицы была обставлена с еще большей роскошью, чем зал. И пока Яртур, смущенный ночным визитом, разглядывал позолоченное ложе, задернутое полупрозрачной материей, колдунья склонилась над огнем, разожженным в камине, несмотря на жаркую погоду. В ожидании гостя Турица облачилась в длинную белую рубаху и напоминала сейчас невесту накануне первой брачной ночи. Яртур слегка удивился ее праздничному виду, но, поразмыслив, сообразил, что мать князя Волоха собирается творить светлый обряд, ибо альвы не приемлют черной магии. И отвергнут любого, пришедшего к ним со злыми помыслами, будь то зверь или человек.

– Сними с себя оружие и одежду, – приказала Турица, не оборачиваясь. Видимо, варево, булькавшее в котле, занимало сейчас все ее мысли. Запах колдовского зелья распространился по комнате, и Яртур поморщился, опасаясь возможных последствий.

– А как я вернусь обратно? – спросил княжич.

– Переплывешь реку, – сказала Турица. – И помни, вернуться ты должен еще до рассвета, иначе никогда не расстанешься со звериной шкурой.

Турица извлекла котелок из камина и перелила его содержимое в большой серебряный кубок. Яртуру не понравился цвет напитка, сваренного колдуньей, – ядовито-зеленый. К сожалению, выбирать не приходилось. Он уже было протянул руку к кубку, но его остановила Турица:

– Не сейчас. Выпьешь на берегу реки.

– Я не пойду в чужую землю без оружия, – заупрямился Яртур.

– Можешь взять с собой меч и кинжал, – не стала спорить с ним Турица.

– А превращению это не повредит?

– Нет, – усмехнулась колдунья. – Разве что один твой рог будет короче другого.

Замок они покинули через потайной ход. Сначала Турица провела гостя по винтовой лестнице, потом они долго шли по узкому коридору, стены которого покрылись плесенью. Яртур вздохнул с облегчением, когда выбрался наконец из подземелья и очутился на берегу реки. Ночь уже вступила в свои права, усыпав небо множеством звезд. Звезды ехидно подмигивали смельчаку, столь опрометчиво решившему поменять обличье.

– Пей, – приказала княжичу Турица, протягивая ему серебряный кубок.

Яртур осушил его единым глотком. Зеленое снадобье по вкусу напоминало кислое вино, которым угощала их сегодня днем Турица, и не похоже было, что оно обладает какими-то чудесными свойствами. Во всяком случае, никаких перемен в себе Яртур не почувствовал, ну разве что приятное тепло растеклось по жилам, и тело перестало сотрясаться от дрожи.

– Плыви, – указала Турица на реку. – И да поможет тебе бог Велес.

Вода казалась самой обычной, речной. Яртур сделал несколько глотков, дабы избавиться от кисловатого привкуса во рту, и решительно взмахнул руками. Река в этом месте разлилась широко, однако и княжич был не последним пловцом в Сколотии. Когда произошло превращение, Яртур не заметил, но если в реку входил человек, то на противоположный берег вышел, тяжело ступая по песку копытами, мощный рогатый зверь, способный вогнать в страх даже далеко не робкую душу.

Какое-то время тур стоял на берегу, склонив голову, увенчанную рогами, едва ли не до самой земли, привыкая к звукам нового мира. Потом медленно двинулся вперед, омываемый призрачным лунным светом. Яртуру, никогда прежде не переживавшему подобных превращений, было не по себе. Он видел тропу у себя под ногами, видел березы, росшие в отдалении, но чужими глазами. И этот чужой взгляд на знакомые с детства предметы раздражал его даже больше, чем бычье тело, которым ему приходилось управлять. Он попробовал ускорить шаги и тут же едва не упал, споткнувшись о камень. Яртур взревел от боли, но быстро опомнился, испугавшись ярости, горячей волной захлестнувшей его мозг. В конце концов, он пришел на землю альвов с одной только целью – окунуться в волшебное озеро, дабы сравняться силой с рахманом, бросившим вызов привычному миру и задумавшим изменить его в соответствии со своими понятиями о добре и зле. Яртур не считал мир совершенным, но это еще не повод, чтобы любой и каждый перестраивал его на свой лад.

Видимо, мысли о Слепом Бере помогли княжичу справиться со страхом, и он увереннее понес свое огромное и мощное тело по гудевшей под ногами земле. Яртур миновал лес, о котором его предупреждала колдунья, и остановился на краю обширной поляны, залитой лунным светом. Сначала он услышал голоса, а потом увидел обнаженных девушек, собирающих цветы. Возможно, это были альвийки, решившие в полнолуние пополнить запасы

колдовских трав. Сначала Яртура охватило оцепенение, потом оцепенение стало перерастать в вожделение при виде поз, откровенно дразнивших мужской глаз. Распаленный бык всхрапнул и ковырнул землю копытом. В ответ послышался женский визг, и перепуганные альвийки сыпанули с поляны в разные стороны. Яртур бросился было за ними в погоню, но вскоре потерял цель и остановился. Раздутыми от вожделения ноздрями он уловил запах воды и тины и сразу вспомнил, зачем пришел в землю таинственных альвов.

По всем приметам это было то самое озеро, о котором ему рассказывала Турица. Яртур рванулся к нему с пылом зверя, только что упустившего добычу. Вода приняла его разгоряченное тело, и княжич вдруг почувствовал себя человеком. Он опять прозевал момент превращения, зато с радостью смотрел на свои вновь обретенные руки и даже пару раз ударил ими по воде. Никто не разделил его чувств в этом пустынном месте, разве что лебедь, гордо скользивший по водной глади, вдруг встал на крыло, испуганный подобным соседством. Зато Яртур резвился в свое удовольствие, то уходя под воду, то вновь появляясь на поверхности. Вылезать на берег он не торопился, ибо нисколько не сомневался, что вновь превратится в быка, как только его нога коснется земли. До рассвета было еще далеко, а ему куда приятнее было ощущать себя в обличье человеком, нежели зверином.

Альвийку, осторожно крадущуюся к воде, он увидел сразу и мгновенно притих, боясь спугнуть ценную добычу. Наверняка это была одна из тех девушек, которых бык распугал на лесной поляне. У Яртура появилась надежда, что пугливая красавица, решившая в полнолунье искупаться в волшебном озере, сумеет оценить его человеческие качества, и они окажутся ей больше по сердцу, нежели звериные. Увы, княжич, ошибся. Завидев незнакомца, вынырнувшего из воды на расстоянии вытянутой руки от нее, девушка громко вскрикнула и рванулась к берегу. Яртур ринулся вслед за девушкой, забыв в этот миг о волшебных превращениях. И, между прочим, напрасно. Теперь уже не человек преследовал прекрасную альвийку, а тур, ревущий от вожделения. Впрочем, и альвийка не сумела сохранить своего человеческого обличья и на глазах быка превратилась в турицу. В этом виде он и покрыл ее, огласив окрестности торжествующим рыком. Страсть затуманила мозги Яртуру, и он уже не понимал, кто сейчас находится под ним, турица или женщина. Он был творцом новой жизни, а потому и не чувствовал за собой никакой вины.

Но, увы, в этом мире все-таки нашлось существо, посчитавшее Яртура кругом виноватым. Сначала он услышал предостерегающий крик лебедя, потом увидел округлившиеся глаза альвийки, в сладкой истоме лежащей на песке, и, только вскинув глаза к небу, он заметил грифона, падающего вниз. Яртур успел отскочить в сторону, и когти чудовища лишь слегка поранили его толстую шкуру.

Альвийка, успевшая вернуться в человеческое обличье, вскочила на ноги и метнулась к лесу. Лицо женщины показалось Яртуру знакомым, но, к сожалению, ему не достало времени, чтобы присмотреться к ней попристальней. Грифон, не уступавший размерами туру, уже изготовился для смертельного прыжка. Огромные крылья подхватили напружинившееся тело и буквально подбросили его в воздух. Острые, как кинжалы, клыки уже готовы были вонзиться в шею жертвы, но тут на грифона обрушился лебедь, успевший нанести только один, но очень точный удар. Грифон, потерявший глаз, промахнулся и упал на землю прямо под ноги туру, который не замедлил воспользоваться подарком, пустив в ход сразу и рога и копыта. Крылатое чудовище вновь попыталось оторваться от земли и вновь получило удар от лебедя. Ослепший грифон завизжал обиженным щенком и попробовал спастись бегством, волоча за собой сломанное крыло. Однако разъяренный тур настиг его и затоптал копытами.

Одержав столь славную победу, Яртур ознаменовал ее громким торжествующим ревом. Этот рев и вернул его к действительности. Издохший грифон окровавленной грудой костей и мяса лежал поодаль, но ни лебедя, так неожиданно и вовремя пришедшего к нему на помощь, ни альвийки, удовлетворившей его внезапно вспыхнувшую страсть, княжич так

и не обнаружил. Оставаться далее у озера не имело смысла. До рассвета было уже рукой подать, и Яртур заторопился. До реки он добрался без происшествий и с наслаждением ринулся в воду, смывая с турьего тела свою и чужую кровь. На родной берег он ступил уже человеком, радуясь, что испытание, которого он опасался, закончилось для него без потерь, если не считать царапин на боках и спине, оставленных, видимо, когтями грифона.

Осторожно ступая босыми ногами по мелким прибрежным камешкам, Яртур добрался до подземного хода и уже знакомым путем достиг винтовой лестницы, которая вознесла его в ложницу княгини Турицы.

– Вернулся? – спокойно спросила колдунья и окинула княжича придирчивым взглядом. – Цел?

– Если не считать этих царапин на спине и ниже, то да, – усмехнулся Яртур.

– Удачлив ты, сын Лады, – покачала головой Турица. – Видимо, возлюбили тебя боги, несмотря на то... А впрочем, это уже не важно.

– А что важно? – спросил Яртур, облачаясь в свою одежду.

– Ты должен вырвать из рук Слепого Бера княжну Олену, – строго сказала Турица. – Такова воля твоего отца, князя Авсенья, и ты не вправе ослушаться его.

– А зачем рахману понадобилась княжна? Мало ли девок вокруг.

– Коломану нужна не княжна, а жар-цвет, хранящийся ныне в Асгарде, и чтобы добыть его, он пойдет на любое преступление.

– А откуда он взялся, этот жар-цвет? – спросил Яртур.

– Коломан привез его с острова Блаженства, – вздохнула Турица. – Он полагал, что жар-цвет принесет людям счастье. Во всяком случае, так он говорил мне, когда я была еще молодой и глупой гусыней.

– Другие рахманы думают иначе? – предположил Яртур.

– Ты угадал, княжич, – тряхнула Турица черными как смоль волосами. – Это они дали мне траву, которой я его опоила.

– А почему вы только ослепили его, а не убили? – нахмурился Яртур.

– Разве можно убить рахмана, пусть даже утратившего разум, – печально вздохнула Турица. – Его родовичи полагали, что слепота укротит буйный нрав Коломана, но они ошиблись. Он и незрячим прошел по Калиновому мосту. Мой тебе совет, княжич, никогда не оставляй в живых своих врагов.

– Насколько велик Железный замок?

– Он так же велик и неприступен, как и Асгард. Разрушить его нельзя, но в него можно проникнуть по узкому мосту, охраняемому грифонами, драконами и дивами.

– Ого! – воскликнул Яртур. – Не слишком ли много для одного человека?

– Вполне достаточно, чтобы отбить охоту к подвигам у всякого храбреца, рискнувшего наведаться в логово Слепого Бера. Да что там храбрец. Навья рать способна истребить сотни тысяч витязей, вздумай они подступиться к Железному замку.

– Ты меня обнадежила, княгиня, – усмехнулся Яртур. – По-твоему, я могу добиться успеха там, где уже погибли тысячи? Я ведь не первый, кто пытается проникнуть в логово Слепого Бера?

– И в этом ты прав, княжич, – согласилась Турица. – Даже рахманы не смогли пройти по этому мосту. Трижды они бросали на Железный замок бесчисленные орды дусеней, покорных их воле. Две тысячи отборных витязей Асгарда вели кочевников на штурм. Пять тысяч волкодлаков в бессильной злобе выли под стенами Железного замка. Десять тысяч беров рычали у его ворот. Туры били в эти ворота своими железными рогами. Все было напрасно. Огненные стрелы рахманов не смогли пробить брешь в стенах, возведенных с помощью колдовства. В тот раз с горы Хвангур вернулась только горстка отчаянных храбрецов. Все остальные усыпали костями подножия Рипейских гор.

– Я не слышал об этом прежде, – нахмурился Яртур.

– А кому охота рассказывать о своих поражениях, – тяжело вздохнула Турица. – Все они были там. И мой сын Волох, и князь Авсень, и князь Родегаст.

– Значит, в Рипейских горах гниют и скелетские кости? – спросил Яртур.

– Скелетам повезло не больше, чем другим, – подтвердила Турица. – Но это не должно пугать тебя, княжич. Тебе не придется штурмовать Железный замок. Ты должен всего лишь выкрасть оттуда Олену. А ты ведь вор, Яртур. Ты воровал даже у своих, не говоря уже о чужих.

– Если ты ведешь речь о коровах моего брата Хорса, то они сами пошли за мной, – обиделся Яртур.

– А кто украл золотое руно из храма Солнечного бога Митры? – насмешливо спросила Турица.

– Нечего было заявлять во всеуслышание, что Митра старше Даджбога. Этим олени оскорбили не только скелетских волхвов, но и нашего небесного прародителя. А руно я им потом вернул. За плату.

– А разве не ты украл жезл у царя сарматов Аркасия, да еще и посмеялся над ним, продав этот жезл нищему за медный обол?

– Я был тогда совсем мальчишкой, – пожал плечами Яртур. – Мне едва исполнилось четырнадцать лет.

– Что не помешало тебе лишиться девственности дочь князя Велемудра Злату и тем самым воспрепятствовать ее браку с князем Родегастом Асгардским.

– Это случилось четырьмя годами позже, – уточнил существенное Яртур. – Но ведь все обошлось. Отцу удалось примириться и с князем Родегастом и с князем Велемудром. Прекрасную Злату выдали замуж за младшего брата повелителя Асгарда, княжича Ратмира.

– А Родегасту Асгардскому была обещана в жены твоя сестра Леля, ведь так княжич Яртур? Та самая Леля, которую Родегаст сватал много раз, но неизменно получал отказ.

– Ты, кажется, была против этого брака, княгиня? – пристально глянул на собеседницу Яртур.

– Допустим, но я одумалась. Владыка Асгарда получит Лелю, как только ты вырвешь Олену из рук Слепого Бера.

– Выходит, Шемякич был прав и это именно ты прячешь мою сестру? – нахмурился Яртур.

– Все может быть, княжич, – спокойно отозвалась Турица.

– А если я откажусь?

– В таком случае Родегаст не получит Лелю и между асами и скелетами разразится война. Погибнут десятки тысяч людей, сотни тысяч пойдут по миру. А тебя, княжич, проклянут и свои, и чужие. Никто не скажет ни единого слова в твою защиту. Ибо в этой войне будешь виновен только ты. Если бы ты не выкрал Злату и не надругался над ней, князю Авсеню не пришлось бы ублажать Родегаста такой ценой. И Слепой Бер не стал бы похищать Олену. Ты кругом виноват, Яртур, и перед людьми, и перед богами.

– Ты меня убедила, княгиня, – криво усмехнулся Яртур. – Я попытаюсь исправить ошибку, которую совершил в порыве страсти.

– Не смей меня, княжич, и не путай страсть с вождением, – покачала головой Турица. – Ты не способен любить, Яртур, и этим очень похож на Слепого Бера.

– Сдается мне, что моя вина не самая большая во всей этой истории, – продолжал Яртур все с той же кривой усмешкой на губах. – И есть люди виноватые гораздо больше, чем я. Или я ошибаюсь, княгиня?

– Ответь за свои ошибки, княжич, а мы ответим за свои.

Яртур покинул ложницу княгини Турицы и прошел в парадный зал, где его уже поджидали, сидя за накрытым столом, мечники и боярин Ермень. Все они почему-то смотрели на нишу, где еще вчера горделиво возвышался бронзовый грифон. Подставка из дерева, покрытая кроваво-красной материей, была на месте, а вот само чудовище исчезло, словно сквозь землю провалилось.

– Возможно, хозяйке зачем-то понадобилась бронза, и она пустила истукана в переплавку, – предположил Бекас, насмешливо при этом глядя на Ерменя.

– Очень может быть, – не стал спорить биармец. – В конце концов, грифон не самая большая драгоценность в этом замке.

– Это я заметил, – кивнул Бекас. – Благо осмотрел весь замок сверху донизу.

– А лебедя ты здесь не видел? – спросил Яртур, присаживаясь к столу.

– Нет, не видел. В этом замке вообще нет птиц, ни живых, ни бронзовых.

Услышав о намерении княжича пробраться в Железный замок, мечники впали в задумчивость. Да и мудрено было не задуматься. Бросить вызов Слепому Беру мог только безумец. Не говоря уже о том, что в Рипейских горах и без рахмана хватало нечисти, способной разорвать на куски любого смельчака, осмелившегося бросить вызов Навьему миру. Впрямую Яртур товарищей в поход не звал, но мечники и без того понимали, что долг велит им следовать за княжичем, куда бы ни забросил его беспокойный нрав. Тем более что в данном случае Яртур бросал вызов Слепому Беру не по собственной воле. Очень многие люди, включая князя Авсенья, подталкивали его в спину.

– Я пойду с тобой, – первым поднялся из-за стола боярин Ермень. – У меня свой счет к Слепому Беру.

Бекас и Хмара, переглянувшись, последовали его примеру. Шемякич раздумывал дольше всех. На его красивое лицо набежала тень, похоже, он не верил в благополучный исход безумного предприятия, но и бросать давнего товарища в беде ему тоже не хотелось.

– Я не пойму, Яртур, почему выбор рахманов пал именно на тебя? – вскинул Шемякич на княжича зеленые глаза.

– Где ты видишь рахманов? – удивился Бекас.

– А Баян, по-твоему, кто? – нахмурился Шемякич.

– Баян – кудесник, – возразил Бекас. – Он никогда не жил на острове Блаженства.

– Много ты знаешь, – криво усмехнулся зеленоглазый мечник. – Баян следит за каждым нашим шагом, и я не удивлюсь, если его люди есть и в этом замке.

– Это заботы Турицы, – махнул рукой Бекас. – Так ты идешь с нами или нет?

– Иду, – твердо сказал Шемякич. – Я хочу узнать правду.

– Какую правду? – спросил Яртур.

– Правду о смерти своего отца.

– Но ведь твой отец пал в битве с дусенями? – удивился Хмара.

– Не уверен, – покачал головой Шемякич. – Как не уверен и во многом другом, мечники. Сдается мне, что нас заставляют плясать под чужую дудку, не считаясь с нашей выгодой и нашими желаниями.

– Придет срок – узнаем все, – махнул рукой Яртур. – А пока седлайте коней, мечники. Нас ждет дальняя дорога.

Не успела княгиня Турица проводить одного беспокойного гостя, как ему на смену пожаловал другой. Кудесник Баян, сопровождаемый сотником Смуром, постучался в ворота ее замка на исходе дня. Турица сама вышла встречать старого знакомого, который, спешившись посреди двора, с удивлением разглядывал стену, еще не восстановленную после налета волкодлаков. Выслушав рассказ княгини о недавних событиях, он осуждающе покачал головой:

– Князь Родегаст слишком уж нетерпелив.

– Меня больше интересует, кто снабдил волкодлаков разрыв-травой, – зло выдохнула Турица. – Сдается мне, что и среди рахманов нет былого единства.

– Будем надеяться, княгиня, что ты ошибаешься, – вздохнул Баян. – Твой сын Волох винит во всем парсских магов, помогающих Родегасту. Ты пригласишь меня к столу?

Впервые Турица увидела Баяна лет сорок тому назад. Он уже тогда показался ей старым, столь же старым, как сама земля. С тех пор он почти не изменился. Все то же сухое лицо, изрезанное глубокими морщинами, и те же пронзительно-синие глаза, способные сломить даже самую сильную волю. Однако в лице дочери альва Эльмира кудесник обрел сперва достойную соперницу, а потом и союзницу. Это с помощью Баяна Турице удалось сначала ослепить Коломана, а затем изгнать его из Себерии. Кто же тогда мог предположить, что рахман сумеет обернуть поражение победой и обрести такое могущество, которое и не снилось его врагам.

– Ты уверена, что все прошло именно так, как мы задумывали? – строго глянул Баян на Турицу.

– Уверена, – усмехнулась княгиня, собственноручно подливая кудеснику вино в серебряный кубок. – Правда, он убил грифона, подаренного мне когда-то Коломаном. Но, к сожалению, в большом деле без потерь не обойтись.

– Меня смущает Шемякич, – задумчиво проговорил Баян. – Он слишком много знает. Впрочем, есть надежда, что он не вернется с горы Хвангур. Все было бы проще, если бы вместо Яртура к Слепому Беру отправился Волох.

– Я не стану рисковать душой сына, – надменно поджала губы Турица.

– А души внука тебе не жаль? – криво усмехнулся кудесник.

– Давай оставим этот разговор, Баян, – холодно отозвалась княгиня. – С меня достаточно и смерти дочери, которая умерла не без твоей помощи.

– Это неправда, Турица, клянусь, – вскинул правую руку к потолку кудесник. – Я не виноват в смерти Майи. Возможно, порчу на нее навела княгиня Лада в отместку за твое коварство и за убитого Волохом отца и братьев.

– А разве Лада знает, от кого она родила сына? – нахмурилась Турица.

– Возможно, она об этом догадывается, – пожал плечами Баян. – Ведь зачала она его в Ярилину ночь, во время священного обряда.

Турица знала свою вину перед Ладой, но не жалела ни о чем. Тем более что ее вина не была в той почти святотатственной подмене главной. Два человека помогали ей в ту ночь. Кудесник Даджбога Баян и ведун Велеса Ермень. Сколоты почитали Ярилу как сына Даджбога, которому в свой черед придется засиять на небосводе вместо ушедшего отца. Но Ярила не был сыном Даджбога, он был сыном Велеса, во всяком случае, так полагали биармцы и беры, стремившиеся вознести своего бога на недостижимую высоту. За чистотой обряда следил Баян. Именно он должен был свести у священного камня князя Авсенья и княгиню Ладу, олицетворяющих собой бога Солнца и богиню Земли. Именно их зачатый в эту ночь плод должен был поспособствовать расцвету Сколотии на многие годы вперед. Но ни Авсень, ни Лада не знали, что священным камнем два. Что кудесник Баян, предав в ту ночь бога и князя, привел Авсенья к камню, где его ждала дочь Турицы Майя, не имевшая права на участие в обряде в силу кровной связи с берами. А у другого священного камня княгиня Лада отдалась Волоху сыну Коломана, и именно от него она родила своего сына Яртура. Все четверо были в личинах богов, как это и положено по обряду, и, по крайней мере, двое из них ничего не знали о подмене. Святотатство было совершено, но рахманы получили именно то, что хотели получить. Им нужен был человек одной со Слепым Бером крови. Конечно, Майя никогда бы не пошла на обман, если бы за ее спиной не стояла Турица. Послушная дочь не посмела перечить матери. Кто знает, может, не порча Лады свела ее в могилу, а месть

обиженных богов. Но ведь все прочие участники того обмана живы и здоровы, включая и саму княгиню Турицу.

– Тогда понятно, от кого Слепой Бер узнал о посольстве асов, – сказал вдруг доселе молчавший Смур.

– От кого же? – резко обернулся к нему Баян.

– От Лады.

– Но каким образом, если княгиня не покидала Преслава?

– Она послала Слепому Беру весточку с вороном, который долгое время жил в ее покоях, – спокойно пояснил Смур.

– Почему ты не сказал мне об этом вороне раньше, мечник? – рассердился Баян.

– Но ведь ты видел его, кудесник, – удивился вопросу Смур. – Ворон часто сидел на спинке кресла княгини, когда она принимала гостей. Многим не нравилось присутствие птицы Велеса в доме князя Авсеня, но поскольку ты, кудесник, молчал, то молчали и остальные.

– Чудовищно, – провел ладонью по лицу Баян. – Слепой Бер вновь обманул меня. Неужели он завладел душой этой женщины?

– Чтобы отомстить князю Волоху за смерть отца и братьев, княгиня Лада пойдет на все, – твердо сказал Смур. – Не надо было тревожить орланов в их родовом гнезде.

– Молчи, сотник, – скрипнул зубами Баян. – Это не твоего ума дело.

– Как скажешь, кудесник, – вздохнул Смур.

Однако княгине Турице закрыть рот было куда сложнее, чем сотнику. И она не замедлила обрушить свой гнев на склоненную голову Баяна. По большому счету гнев дочери альва Эльмира был справедлив. Кудесник жил в Сколотии, рядом с князем Авсеном и княгиней Ладой и должен был глаз не спускать с хитроумной ведьмы, обиженной на весь белый свет. Возможно, он полагал, что ненависть Лады к Волоху распространяется и на его отца Коломана, но, видимо, ошибся. Чтобы отомстить обидчику и свершить кровную месть, княгиня готова была броситься в объятия самого Вия, а не только Слепого Бера.

– Я знал, что Лада колдунья, но недооценил ее силу, – признал свою ошибку Баян. – Хотел бы я знать, из какого источника она ее почерпнула. Не мог я не увидеть ворона, Турица. Не мог! Напустить морок на рахмана способна только Виева дива, да и то не каждая.

– Так, может, она ею стала, – понизила голос почти до шепота Турица. – Об этом ты не подумал, Баян?

– Время покажет, – глухо отозвался кудесник. – Ничего еще не потеряно, Турица. И наше с Коломаном противоборство еще не завершилось. Ермень ушел вместе с Яртуром?

– Да, Баян, – кивнула княгиня. – Хотя мне пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить его. Ермень слишком робок для сына рахмана.

– Ну что ж, я попробую с ним связаться и предупрежу его, чтобы он держался настороже.

– Я тоже приму меры, Баян, – мягко улыбнулась Турица. – Среди спутников Яртура есть человек, душу которого я держу на коротком поводке.

– Я никогда не сомневался в твоих способностях, княгиня, – ласково улыбнулся хозяйке гость. – И да помогут нам боги в нашем трудном начинании.

Глава 5

Грифон

Путь до Рипейских гор был долг и труден. Настолько труден, что мог отбить охоту у всякого, кто по легкомыслию или в силу крайней необходимости решался на отчаянное предприятие. А такие люди находились всегда и во все времена. И это их костями были усыпаны все тропы, ведущие в колдовские пределы. Кто-то искал золото, кто-то власти, а кто-то вечного блаженства. Ибо именно здесь, в Рипейских горах, начинался путь в таинственное Беловодье, страну богов и героев, страну молочных рек и кисельных берегов. Увы, путь в Беловодье открывался далеко не каждому, многие находили смерть от голода и холода. Другим везло куда меньше, и они становились добычей нечисти, нашедшей себе приют у подножия Рипейских гор. А самые невезучие становились частью Навьего мира, слугами всемогущего владыки подземного царства Вия, самого жуткого воплощения бога Велеса.

– Но ведь Слепой Бер сумел избежать страшной участи, – возразил Ерменю Бекас. – Он прошел по Калиновому мосту и вернулся обратно, в наш мир.

– Между миром Яви и Нави нет четкой границы, мечник, – покачал головой биармец. – Бывали времена, когда Навий мир захватывал едва ли не все земли, заселенные людьми, и только с помощью богов навий удавалось изгнать из наших пределов, ослабив силу их повелителя.

– А убить Вия можно? – спросил Хмара.

– Нет, мечник, – горько усмехнулся Ермень. – Законы всех миров – Яви, Прави и Нави – установил на веки вечные сам Создатель, бог Род, и изменить их никому не под силу, ни людям, ни богам. Нельзя убить Вия, но можно уничтожить его земное воплощение.

– Ты имеешь в виду Слепого Бера? – нахмурился Яртур.

– Да, княжич, – подтвердил Ермень. – Рахман Коломан променял свою душу на колдовскую силу, равной которой нет на земле. Он способен изменить лик нашего мира по своему хотению, если его не остановить в начале пути.

Нельзя сказать, что Яртур не верил биармцу. Слова боярина Ерменя не расходились с тем, что он уже слышал от других. От кудесника Баяна, от князя Авсенья, от князя Волоха и от княгини Турицы. Однако эти люди были кругом виноваты перед рахманом Коломаном, они лишили его зрения и власти, обвинив в преступлениях, которые он, возможно, не совершал. Во всяком случае, именно на это обстоятельство Яртуру неоднократно указывал Шемякич за время их долгого и трудного пути. К сожалению, и Шемякичу нельзя было верить до конца. Среди скотов бытовали разные мнения по поводу вил и русалок, но большинство все-таки относил озерных и речных дев к Навьему миру. Однако находились и такие, которые считали вил порождением Лебязьей страны, той самой, где княжичу довелось побывать совсем недавно. Яртур, успевший близко пообщаться и с вилой и с альвийкой, особенной разницы между ними не почувствовал. Но если озерная дева отдалась ему добровольно и с большой охотой, то альвийку он взял силой, причем не только своей, сколько бычьей.

– А зачем вилам наше семя? – обернулся Яртур с вопросом к Шемякичу, ехавшему на смирном и выносливом гнедом жеребце за ним следом.

– А от кого же им еще рожать, как не от людей? – ответил за зеленоглазого мечника Бекас. – Я слышал, что друды произошли именно от вил и русалок. Поэтому они с таким рвением стерегут озера и реки, не давая пришлым селиться в заповедных местах.

С друдами Яртуру не раз приходилось иметь дело. От людей они практически ничем не отличались. И не раз плечом к плечу сражались со скотами против тех же дусеней. Говорили, правда, что друды оборотни, время от времени принимающие звериный вид. Впрочем, скотских девушек подобные разговоры, похоже, не слишком смущали, и они не раз при-

носили в подоле здоровое потомство от статных и пригожих молодцов. Правдой среди всех этих сплетен о друдах было только то, что среди людей они не селились, предпочитая городам и весям непроходимые леса. Кто делает им доспехи и кует мечи и секиры, никто не знал. Кивали на гмуров. И возможно, неспроста. Ибо с гмурами друды жили душа в душу. Чего не скажешь про людей. С теми же сколотами друды иной раз цапались за лесные уголья. Что, в общем-то, понятно. Кому же захочется отдавать свое. Пораскинув мозгами, Яртур решил, что его семя, вброшенное в лоно вилы, даром не пропадет и рожденный озерной девой друд не уронит чести своего отца.

Волоты вывалились из-за деревьев внезапно и атаковали столь стремительно, что мечники не успели воспользоваться луками. Свирепые великаны умели маскироваться в лесных дебрях, надо отдать им должное. А сучковатые дубинки в их руках были страшным оружием. Не успел Яртур глазом моргнуть, как самый крупный из волотов, видимо вожак, одним ударом дубинки свалил на землю его заводного коня. Однако княжич в долгу не остался и ударом секиры отсек волоту правую руку. Свирепый великан взвыл от боли и попытался вцепиться в горло расторопного всадника клыками, но Яртур оказался проворнее. Огромная голова волота раскололась почти надвое, словно гнилой орех. Заросшее рыжей шерстью тело великана какое-то время раскачивалось из стороны в сторону, а потом рухнуло на лесную тропу под ноги Яртурова коня.

Потеряв вожака, волоты рассвирепели еще больше. Причем свою звериную ярость они обрушили не только на людей, но и на ни в чем не повинных коней. Четыре заводных жеребца были убиты в мгновение ока, загородив своими тушами лесную тропу и сузив тем самым мечникам пространство для маневров. Волотов было около десятка, но действовали они без всякого порядка, подчиняясь не столько разуму, сколько инстинкту. Яртур свалил ударом секиры еще одного волота и поспешил на помощь Бекасу, который с трудом отбивался сразу от трех великанов. Силы в лесных разбойниках было немеряно, зато ловкости и разворотливости им явно не хватало. Объединив усилия, Яртур с Бекасом без труда расправились со своими врагами. Их товарищи тоже не оплошали. Шемякич с Хмарой уложили четырех волотов, еще одного завалил Ермень, проявивший при этом завидную сноровку. Из чего Яртур заключил, что биармец человек бывалый и не раз уже имел дело с лесными великанами.

— Говорят, что волоты прежде ладили с людьми, — сказал Шемякич, разглядывая поверженные туши. — Более того, отличались добрым нравом и разумностью.

— Это когда было? — вскинул черную бровь Бекас.

— Давно, — пожал плечами Шемякич. — Еще до того, как на землю обрушился Царь-холод.

— Вспомнил! — усмехнулся Бекас. — Я бы этих злобных тварей убил еще раз. Они нас без заводных коней оставили.

К сожалению, волоты не только коней перебили, но втоптали в землю запасы еды, прихваченные мечниками в дальнюю дорогу. Ущерб, что ни говори, значительный, тем более что до Рипейских гор было еще далеко.

— Может, на кочевье дусеней наткнемся, — скосил глаза на Ерменя Бекас. — Там и разживемся лошадьми.

— Дусени, между прочим, тоже не подарок, — недовольно пробурчал биармец. — Запросто можем головы потерять.

— Ты мне только покажи их стан, — горделиво вскинул голову Бекас. — Такого еще не бывало в подлунном мире, чтобы орлан не заклевал дусеня.

— Тебе виднее, — криво усмехнулся биармец.

Положим, Бекас был прав, и дусеню против мечника-орлана не устоять, но ведь кочевники по степи в одиночку не ездят. Навалятся они на мирных путников ватагой, и тогда

орланам с их гонором солоно придется. Яртур и его спутники были в пути уже более месяца, что не могло сказаться на их самочувствии. Бекас и Хмара ворчали. Им порядком надоело мотаться по себерским лесам и долам. Что, впрочем, неудивительно.

– А может, княгиня Турица пошутила? – вздохнул Бекас, уныло оглядывая заросли. – Ну не верю я берам!

Конечно, у орланов были причины не доверять князю Волоху и его матери. Более того – не любить их. Ибо именно беры во главе с Волохом разорили Орланию и перебили едва ли не всех тамошних старейшин, в том числе и отцов Бекаса и Хмары. Такое не прощается. Яртур нисколько не сомневался, что мечники-орланы спят и видят, как бы посчитаться с Волохом, и, надо полагать, будут безмерно рады, если такой случай им представится.

Лес закончился столь внезапно, что Яртур невольно придержал коня. Перед мечниками простиралась поросшая пожухшей травой степь, и тянулась она едва ли не до самых Рипейских гор. Волотов теперь можно было не опасаться. Зато кроме дусеней в этих местах обитали волки, залетали сюда и грифоны, не брезговавшие при случае и падалью. Но, разумеется, свежее мясо летающим псам куда более по вкусу.

– Грифоны – это еще полбеда, – вздохнул Ермень. – Птица Могол куда страшнее.

– А ты видел Могола собственными глазами? – удивился Хмара.

– Видел, мечник, – подтвердил биармец. – В тот раз Могол истребил едва ли не треть нашего войска. Его ведь не берут ни меч, ни стрела, ни колдовское зелье.

– Не может быть, чтобы у живого существа не было уязвимого места! – не поверил Яртур.

– Может, и есть, – пожал плечами Ермень, – но я его не знаю.

– Жаль, – вздохнул Яртур. – Придется отлавливать грифонов.

– Кого отлавливать? – ахнул Бекас.

– Летающих собак, – пояснил княжич.

– Ты что, умом тронулся? – удивленно посмотрел на товарища Шемякич.

– А как я, по-вашему, попаду в Железный замок? – усмехнулся Яртур. – Да и на гору Хвангур еще надо взобраться. Или ты думаешь, навьи нас хлебом-солью встретят?

Мечники переглянулись, биармец Ермень почесал затылок. Это же надо додуматься – поймать грифона! Да эта тварь никогда не подпустит к себе человека, а уж тем более не даст ему себя оседлать. Убить грифона, конечно, можно, ранить тем более, но подчинить своей воле – это выше человеческих сил.

– Может, тебе лучше ясным соколом обернуться? – насмешливо предложил Бекас.

– Или белым лебедем, – подхватил Хмара, кося при этом глазом на посмурневшего Шемякича.

– К сожалению, я не друд, – вздохнул Яртур. – И без колдовского зелья принять чужое обличье не могу. К тому же ни Сокола, ни Лебедя грифоны к Железному замку не подпустят. Порвут еще на подлете. А мне ведь нужно не только проникнуть в логово Слепого Бера, но и выкрасть оттуда Олену. Ни Соколу, ни Лебедю девушку с собой не унести.

– Это правда, – подал голос молчащий доселе Шемякич. – Я уже думал об этом, ибо в отличие от Яртура я друд. Вы ведь это хотели узнать?

– Положим, мы это давно уже знаем, – сказал Бекас, глядя прямо в глаза обиженному мечнику, – но мы с тобой побратимы, а это важнее и весомее кровного родства.

– Вы тоже так думаете? – спросил Шемякич у Яртура и Хмары.

– Да, – твердо ответили оба.

– Добро, – усмехнулся сын Кудри. – Мне легче будет умирать среди своих.

– А почему умирать? – удивился Яртур.

– Потому что впереди нас поджидают дусени.

Княжич вскинул глаза к горизонту и ахнул. Кой черт вынес кочевников едва ли не к самым Рипейским горам, сказать трудно, но это были именно дусени, числом никак не менее двух сотен. Их приземистых, но выносливых лошадок мечники опознали с первого взгляда.

– Может, тебе попробовать с ними договориться? – спросил Яртур у биармца.

– Эти за добычей идут, – покачал головой Ермень. – Легче с волками поладить, чем с ними.

Конечно, можно было попробовать спастись бегством, ибо скелотские кони резвее дусеньских, но кочевники непременно будут преследовать ускользающую добычу. И рано или поздно настигнут беглецов. Мало того что их лошади выносливы, так дусени ведут с собой заводных коней. А это большое преимущество в безумной скачке по ровной, как стол, степи. Дусени умеют на скаку пересаживаться из седла одной лошади на спину другой.

– А ты им сыграй, – неожиданно предложил Яртуру хитроумный Бекас. – Дудочка при тебе?

– Какая еще дудочка? – удивился Ермень.

Но княжичу некогда было отвечать на его вопрос, он лихорадочно рылся в седельной сумке. К счастью, дудочка была на месте, и Яртур поспешно поднес ее ко рту. Дусеням оставалось проскакать едва ли треть версты, но именно в этот момент у них возникли большие сложности. Кобылы, заслышав чарующие звуки, несущиеся из волшебной дудочки, взбесились, что явилось полной неожиданностью для их седоков. Дусени отличные наездники, но успокоить кобыл, взалкавших любви, им не удалось. Один за другим они стали вылетать из седел под копыта летящих внапуск жеребцов. Жеребцы на звуки дудочки не реагировали, но это только прибавило неразберихи в рядах дусеней. Ватажка остановилась. Перепуганные дусени подняли отчаянный крик, и как раз в этот момент их атаковали рассерженные мечники Яртура. Полусотне дусеней все-таки удалось вырваться из кровавого хоровода, и они теперь на рысях, побросав заводных коней, уходили к Рипейским горам. Еще человек семьдесят пали под скелотскими мечами. Остальных, оглушенных падением, удалось обезоружить и сбить в кучу в стороне от бесившихся кобыл. Впрочем, кобылы быстро успокоились и разбрелись по степи. Победители их удерживать не стали, им и без того хватало забот. Яртур пересчитал живых дусеней. Их набралось более полусотни, напуганных до полусмерти чужим, прежде неслыханным чародейством.

– Копайте яму, – приказал им Яртур.

– Ты что, собрался их здесь похоронить? – удивился Бекас.

– Мне не могила нужна, а ловушка, – пояснил товарищам княжич. – Отсюда до Рипейских гор не так уж далеко. Грифоны наверняка почувствуют кровь. Яма нужна глубокая, но не слишком широкая, чтобы грифону не хватило места для взлета.

С помощью биармца Яртуру удалось объяснить дусеням, что от них требуется. К сожалению, ни у скелотов, ни у кочевников не было под рукой заступов, поэтому землю пришлось ковырять секирами и кривыми дусеньскими мечами. А дабы у кочевников, взятых в полон, не возникло соблазна использовать оружие против победителей, на работу их определяли десятками под присмотром скелотов, вооруженных луками. И хотя работа шла довольно медленно, все-таки к вечеру дусеням удалось выкопать яму именно такой величины, которая требовалась для ловушки. Яму прикрыли тоненькими жердочками, добытыми в соседнем березовом колке, а сверху застелили дерном. После чего у кочевников отобрали оружие и отпустили их на все четыре стороны. А чтобы они своим мельтешением по степи не отвлекали грифонов, Яртур собрал для них с помощью дудочки норовистых кобыл, разбредшихся было по округе. Дусени на кобыл садились с опаской, но, утвердившись в седлах, улепетывали от опасного места без оглядки, шепча под нос проклятия хитроумным колдунам, едва не превратившим вольных кочевников в своих покорных рабов.

– А ты уверен, что грифон прилетит? – с сомнением покачал головой Хмара.

– Ты посмотри, сколько здесь мяса, – кивнул Яртур на лошадиные и человеческие трупы. – Какой стервятник устоит перед дармовым ужином. Не появятся сегодня – будем ждать до завтра. Иного способа проникнуть в Железный замок у нас нет.

– А где спрячемся мы? – спросил Ермень, оглядываясь по сторонам.

– Вы с лошадьми укроетесь в березовом колке, а я лягу здесь возле ямы, – пояснил Яртур. – Грифон примет меня за мертвого.

– А стоит ли так рисковать? – покачал головой Шемякич.

– Есть у меня одна задумка, – усмехнулся княжич. – Грифоны ведь живут парами и, по слухам, очень привязаны друг к другу. И охотятся они часто тоже вдвоем. Теперь поняли?

Если нам удастся поймать самку, то самец сделает все, чтобы спасти свою подругу.

– Хитро, – засмеялся Ермень. – Желаю тебе удачи, Яртур.

Грифоны закружили над местом побоища еще в сумерки. Их действительно было двое. Один покрупнее, другой поменьше. Тот, что поменьше, вполне мог оказаться самкой, что и требовалось Яртуру. К сожалению, грифоны приземлились далеко от устроенной сколотами ловушки. Подвоха они, похоже, не чуяли и, сложив крылья, уверенно передвигались по тверди на мощных когтистых лапах. Яртур явственно услышал треск раздираемой плоти и хруст костей. Грифоны без раздумий приступили к трапезе, радуясь обилию пищи. Княжич поднес дудочку к губам и издал несколько чарующих звуков. Самец как ни в чем не бывало продолжал рвать клыками конскую тушу, зато самка наострила уши. Несколько долгих мгновений она пребывала в неподвижности, а потом неуверенно двинулась вперед, к тому самому месту, где лежал Яртур. Пройти ей следовало всего ничего, и зачарованная самка сделала эти самые ненужные в своей жизни шаги. Жерди с треском подломились под ее огромной тушей, и она рухнула в ловушку, приготовленную коварными охотниками. Грифон, услышав вой самки, рванулся было ей на помощь, но быстро осознал опасность и взмыл в небеса. Яртур поднялся на ноги и заглянул в провал. На дне узкой ямы жалобно заскулила самка, видимо, в ожидании неизбежного смертельного удара. Однако княжичу она нужна была живой. Вложив пальцы в рот, он пронзительно свистнул. Мечники, прятавшиеся в колке, немедленно откликнулись на его призыв.

– Зажигайте костер, – приказал товарищам Яртур. – А то, чего доброго, грифон потеряет нас.

– Не потеряет, – покачал головой биармец. – Эти твари отлично видят в темноте. И огня они не боятся.

– Становитесь в центр огненного круга, – приказал Яртур. – Грифон не рискнет садиться в костер.

Летающий пес действительно приземлился на расстоянии трех-четырех прыжков от своих недругов и угрожающе оскалил клыки. Вой самки, попавшей в беду, он слышал отлично, но не менее хорошо он видел врагов, грозивших ему мечами. Если судить по величине, грифон был не из матерых. Во всяком случае, он значительно уступал размерами своему собрату, которого тур и лебедь одолели в стране альвов. Дабы нагнать на грифона побольше страха, Яртур поднял над головой меч-кладенец. Грифон опознал страшное оружие, сулящее смерть, и завыл в отчаянии.

– Можем договориться, – крикнул ему Яртур и перепрыгнул через разделяющий их костер.

Грифоны понимали человеческую речь, но сами разговаривать не умели. Княжич подождал немного, давая возможность летающему псу осознать происходящее. Грифон, напряженный для прыжка, обмяк и теперь с интересом ждал продолжения.

– Ты отнесешь меня в Железный замок, – предложил Яртур, медленно приближаясь к грифону. – Мы пробудем там совсем недолго. Я возьму у Слепого Бера женщину, и мы с тобой вернемся обратно. Взамен ты получишь свою самку. По-моему, это выгодный обмен.

Грифон, если судить по его лапе, в ярости царапающей землю, не был в этом уверен. Поэтому Яртур решил подкрепить свои слова:

– Клянусь Даджбогом и Велесом!

Вряд ли грифон почитал Даджбога, но имя Велеса было ему хорошо знакомо, и он своим звериным умом понимал, что подобными клятвами не разбрасываются. Боги сумеют отомстить святотатцу, нарушившему клятву, безотносительно к тому, дал он ее чудовищу или человеку.

Грифон гавкнул дважды. Чет в данном случае означал, что он принимает условия. Яртур махнул своим товарищам рукой и, ухватившись за длинную шерсть летающего пса, легко вскочил ему на спину. От земли грифон оторвался без труда, из чего Яртур заключил, что сил у него вполне достанет и для обратного полета, когда ему придется нести на своей спине двоих.

– Не в твоих интересах, милый друг, потерять меня на пути к замку, – с усмешкой произнес Яртур, склоняясь к настороженному уху грифона. – И выдавать меня стражникам тоже не советую. Иначе твою самку убьют раньше, чем к ней подоспеет помощь.

Грифон никак не отозвался на слова княжича, но полет его стал ровнее. К сожалению, лунного света было недостаточно, чтобы Яртур мог видеть все, происходящее на земле, но он без труда определил, что грифон летит к Рипейским горам. Причем летит с такой скоростью, что никакому всаднику за ним не угнаться. Огорчало княжича только одно: он никак не предполагал, что здесь, наверху, будет так холодно, иначе непременно захватил бы свой плащ из медвежьей шкуры. К сожалению, колонтарь из бычьей шкуры грел плохо, и Яртуру ничего другого не оставалось, как плотнее прижиматься к заросшей густой шерстью спине грифона, дабы хоть немного укрыться от ветра, пронизывающего до костей.

– Хвангур? – спросил он, глядя на огромную гору, выползающую из ночной мглы.

Грифон гавкнул дважды, тем самым подтверждая, что княжич не ошибся в своих предположениях. Хвангур смотрелась самой высокой из Рипейских гор, и именно здесь Слепой Бер построил неприступный замок. Замок стоял на самой вершине горы и поражал глаз своими размерами. Его прозвали Железным, что, однако, не соответствовало действительности. Стены замка рахмана Коломана были сложены из камней, но камней настолько огромных, что человеческие руки не смогли бы их не только поднять, но и сдвинуть с места. Замок представлял собой шестиугольник, каждый угол которого венчала башня. И каждая из этих угловых башен сама по себе являлась крепостью. Немудрено, что многотысячное войско союзных князей и дусеней потерпело здесь жесточайшее поражение. Даже если бы этот замок защищали обычные люди, осаждающим потребовались бы гигантские усилия, чтобы пробиться сквозь его толстые стены. К сожалению, замок был под завязку набит разной нечистью, владеющей не только воинской, но и колдовской силой. В центре шестиугольника стояла еще одна башня, седьмая. Вот ее действительно сделали из железа. Железная башня своими размерами раза в четыре превосходила своих далеко не маленьких каменных сестер. По прикидкам Яртура, это грандиозное сооружение могло вместить под своей плоской крышей по меньшей мере десять тысяч человек.

– Садись на крышу, – шепнул Яртур на ухо грифону.

Грифон повиновался и стремительно спланировал вниз с огромной высоты. Летающего пса заметили его собраты, охранявшие небо над Железным замком, но, видимо, им и в голову не пришло, что на спине преданного слуги Слепого Бера может сидеть человек, враждебно настроенный к их хозяину. Впрочем, Яртура сейчас интересовал вовсе не рахман Коломан, а княжна Олена, невеста его отца князя Авсеня.

Княжич с трудом прыгнул со спины грифона и взмахнул несколько раз руками, пытаясь согреться. Здесь, на крыше огромной башни, было настолько холодно, что железо под ногами Яртура покрылось льдом. Грифон, похоже, не ощущал ни холода, ни пронизываю-

щего ветра. Яртур пригнулся, пытаясь спрятаться от ветра, и пополз по скользкой поверхности к трубе, расположенной в самом центре крыши. Труба оказалась холодной, гарью из нее не пахло, из чего княжич заключил, что к отоплению этого огромного жилища она не имеет никакого отношения. Зато Яртур, перегнувшись вниз, обнаружил железные ступени. Видимо, это был вход в башню, которым при нужде могли воспользоваться ее обитатели.

– Жди меня здесь, – приказал Яртур грифону, который настороженно следил за своим врагом.

Конечно, летающий пес мог передумать. Мог лаем или воем привлечь внимание своих собратьев, и тогда княжичу пришлось бы солоно. Но грифон молчал. Похоже, привязанность к самке была у него сильнее привязанности к хозяину.

Глава 6

Железный замок

Яртур осторожно двинулся вниз по обледенелым ступеням. Времени у него было в обрез. Обитатели железной башни могли обнаружить его в любую минуту, и тогда исход его отчаянного предприятия оказался бы предрешен. К счастью, Яртур родился вором. Его умению неслышно скользить по любому полу, каменному, деревянному или железному, могли бы позавидовать навьи, умеющие, как известно, скрадывать добычу. Двери, даже запертые изнутри, не представляли для него сложности, ибо он обладал способностью сдвигать тяжелые засовы одним усилием воли. Он и сейчас без раздумий использовал этот полученный от богов дар, чтобы проникнуть в самую сердцевину башни, где почти наверняка находились покои рахмана. Впрочем, к знакомству со Слепым Бером Яртур не стремился. Ему нужна была только Олена. И, пораскинув умом, он пришел к выводу, что вряд ли Коломан станет держать пленницу в темнице или в подвале, скорее уж он постарается окружить ее неслышанной роскошью.

Верхние ярусы железной башни использовались ее обитателями в качестве кладовых. Холод, идущий сверху, помогал сохранять продукты свежими. Яртур обнаружил в холодных кладовых не только мясо, но и диковинные фрукты, привезенные в замок из неведомых мест. Судя по всему, рахман, привыкший к роскоши на острове Блаженства, и в Рипейских горах ни в чем себе не отказывал. Проголодавшийся Яртур выбрал несколько спелых груш и с удовольствием подкрепился. Спустившись еще на два яруса ниже, он обнаружил глиняные сосуды, лежащие на полках. Понять их назначение ему не составило труда, и, откупорив один из сосудов, он обнаружил там вино, очень похожее на то, которым его угощала княгиня Турица. Побродив по этому ярусу, Яртур наткнулся на хранилище самоцветов. Камней здесь было столько, что их хватило бы на украшения всем женщинам земель, окружающих Рипейские горы. Рядом располагалось еще одно помещение с золотыми слитками. Здесь же хранилась золотая посуда самых причудливых форм. Оставалось только гадать, где Слепой Бер мог добыть такие богатства и какой ценой все это ему досталось. К удивлению Яртура, пройдя четыре яруса, он пока не обнаружил ни единой живой души. Судя по всему, рахман воров не боялся. Да и трудно было представить, что какой-то смельчак сумеет подняться на крышу железной башни по гладкой обледенелой стене. А гостей с неба Коломан не ждал, целиком, видимо, полагаясь на расторопность грифонов. Самоуверенность Слепого Бера была на руку Яртуру, и он практически без помех разгуливал по самым потаенным уголкам его жилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.